

©

© 2000 by the author

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград
1 9 5 3

СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. Лихачева*

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Список „Слова о полку Игореве“ был найден в начале 90-х гг. XVIII века в одном из рукописных собраний Ярославля. Его приобрел для своего древлехранилища известный любитель и собиратель русских древностей А. И. Мусин-Пушкин. Текст „Слова“ находился в сборнике древнерусских произведений светского содержания. Здесь была всемирная история — „хронограф“, летопись, Сказание об Индийском царстве, повесть об Акире Премудром и „Девгениево деяние“ — переведенная с греческого поэма о богатыре-пограничнике Девгении.

Поздней осенью 1800 г. вышло первое издание „Слова о полку Игореве“. Бесспорно, это было тогда лучшее, наиболее тщательное издание древнерусского произведения. К изданию А. И. Мусин-Пушкин привлек двух самых известных археографов конца XVIII — начала XIX века, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыш-Каменского. Живое участие принимал в нем и Н. М. Карамзин.

Первое издание „Слова“ было его вторым рождением. „Слово“ сыграло выдающуюся роль

в том национальном подъеме, которым были отмечены годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г. и следующие за ней. Им занимались русские поэты, начиная с Радищева, Жуковского, декабристов, Пушкина. О нем писали почти все крупные русские языковеды, историки и литературоведы. „Слово“ притягивало и продолжает притягивать к себе с нарастающей силой внимание ученых, поэтов и просто читателей. Свыше 800 научных работ накопилось о „Слове“ со времени его опубликования.

Любопытна и удивительна судьба изучений „Слова“. В работе над переводами „Слова“ поэты становились учеными, ученые же — поэтами. „Слово“ приобрело новую жизнь в современной литературе и никогда не покрывалось музейной пылью.

Поэт, а не исследователь, А. С. Пушкин сделал самое значительное открытие в изучении „Слова“: в своих подготовительных работах к переводу „Слова“ он открыл его теснейшую связь с русской народной поэзией. Этой связи „Слова“ с русской народной поэзией не заметили ни его первые издатели, ни Карамзин, ни первые исследователи, в один голос твердившие о сходстве „Слова“ с „Оссианом“, сравнивавшие Бояна с шотландскими бардами, хотя в среде будущих декабристов уже сложилось представление о Бояне как о народном певце, славившем героическое прошлое и настоящее своей родины.

Почти одновременно с Пушкиным эту же мысль высказал украинский ученый М. А. Максимович,

написавший о „Слове“ немало вдохновенных, почти лирических страниц.

В числе русских поэтов исследователей „Слова“ мы можем назвать не одного только А. С. Пушкина, но и В. А. Жуковского и, особенно, А. Н. Майкова, много лет своей жизни посвятившего изучению „Слова“. С другой стороны, в числе русских ученых, обретших в изучении „Слова“ своеобразный поэтический дар, мы можем назвать академика Ф. Е. Корша, ритмизовавшего текст „Слова“ и переложившего его на музыку.

Однако свое подлинное место в русской культуре нового времени „Слово“ нашло только в нашу великую советскую эпоху. В наши дни „Слово“ обрело свое третье рождение.

В советскую эпоху было сделано больше поэтических переложений „Слова“ на современный русский язык, чем за всю его предшествующую жизнь со времени первого издания. Многие из советских писателей посвятили долгие годы своей жизни не только переводу „Слова“, но и его изучению (И. Новиков, А. Югов).

В чем секрет неувядаемой жизненности „Слова“? Почему и для нас „Слово“ так же свежо и благоуханно, как более семи с половиной веков назад, когда оно было создано?¹

¹ Вероятнее всего, „Слово“ было создано в 1187 г. Оно не могло быть написано позднее 1187 г., так как в 1187 г. умер Ярослав Осмомысл, которого „Слово“ упоминает в числе живых князей. Но „Слово“ не могло быть написано и раньше того же 1187 г., когда вернулся из плена сын Игоря, Владимир, славою которому оно заключается.

„Слово“ покоряет своих читателей силой любви к родине, к Русской земле. Чувство это пронизывает собой все произведение. Оно проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Всепроникающая любовь к родине определила выбор художественных средств в „Слове“, усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высочайшую идейность его произведению.

„Слово о полку Игореве“ с гениальной силой и проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — слабость государственного единства Руси и, как следствие, слабость ее обороны от опустошительного натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших старые русские города, опустошавших сельское хозяйство, угонявших в рабство население, проникавших в самую глубь страны, всюду несших с собою смерть и разрушение.

Ослабление государственных связей Руси было неизбежным следствием ее феодализации. В XII веке полностью возобладала феодальная раздробленность. Обширное древнерусское государство с центром в Киеве, эпоху расцвета которого следует отнести к X — началу XI века, теперь, в XII веке, распалось на множество княжеств, лишь слабо объединенных между собой государственной общностью. Это распадение произошло

под влиянием развития феодального способа производства.

В отдельных княжествах Руси — в Новгороде, в Полоцке, в Чернигове, во Владимире Суздальском и Владимире Волынском, в Переяславле Залесском и Переяславле Южном — окончательно сложилась феодальная экономика. Крестьянские общинные земли были захвачены феодалами. Растет крупное землевладение, растут новые города, усиливается борьба городов за городские вольности, и эта борьба сопровождается вспышками открытой классовой борьбы городского „черного люда“ против местной феодальной знати.

Древнерусское государство с его обширной территорией не имело достаточно экономических и военных сил, чтобы помочь феодалам повсюду осуществлять свое господство и защищать страну от вторжений врагов. Феодалы, чтобы принудить крестьян работать на себя, создавали на местах свой суд, свое войско, свое управление. Так исподволь образовывались отдельные княжества, „полугосударства“, и происходило их обособление.

Распадение Руси на множество княжеств явилось следствием экономического роста, развития производительных сил на местах. Однако вскоре оно само стало сильнейшим препятствием для развития страны — экономического, политического и культурного.

Особенно ослаблялась внешняя оборона Русской земли. Князья отдельных княжеств проводили свою обособленную политику, считаясь в первую очередь с интересами местной феодальной знати.

Стремясь защитить и увеличить свои личные земельные владения и владения местного боярского боярства путем захвата земель соседей, князья вступали в бесконечные междоусобные войны, призывали себе на помощь врагов Русской земли — половцев.

Общерусская власть киевского князя не исчезла еще полностью, но ее значение неуклонно падало. Князья уже не боялись киевского князя и непрерывно стремились к захвату Киева, чтобы увеличить свои владения и использовать гаснущий авторитет Киева в своих интересах.

Идея единства Руси отнюдь не умирает. Она высказывается в летописях. Она провозглашается отдельными князьями, использующими ее популярность в своих эгонистических целях. Она реально поддерживается культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли, общностью народного творчества, общностью судебных установлений, денежной системы — единых повсюду. Идея единства живет напряженной жизнью в народе, жаждущем защиты от внешних врагов.

Ко времени создания „Слова о полку Игореве“ русская культура достигла очень высокой ступени развития. „Слово“ не одинокий памятник русской культуры XII века. Оно имеет своих спутников и в архитектуре, и в живописи, и в литературе. В архитектуре — это изящная, стройная и нарядная церковь Покрова на Нерли (1165 г.); это Успенский собор во Владимире (1158 г., перестроен в 1185—1189 гг.), великолепие которого

дивились современники и потомки — русские, греки, немцы и итальянцы; это Дмитриевский собор в том же Владимире (1194 г.) с его стенами, богато украшенными снаружи рельефными изображениями львов, барсов, грифонов, кентавров, всадников, святых и т. д. В живописи — это фрески Мирожского монастыря в Пскове, фрески Старой Ладogi, фрески Аркажской церкви в Новгороде и, особенно, знаменитые фрески новгородской церкви Спаса Нередицы. Развитие художественных ремесел в XII веке представлено великолепными ювелирными изделиями (золото, серебро, эмаль), резьбой по дереву, кости, камню, превосходными поливными изразцами, чернью, изделиями из железа, стекла, шифера и т. д.

Высокого развития достигает и искусство слова. Литературный язык этого времени способен отразить патетику ораторских произведений, энергию военного красноречия, точность и сжатость юридической мысли, теплоту народной лирической песни, тонкость и отвлеченность богословской мысли. Литература этого времени представлена разнообразными жанрами: разного типа летописи, слова, поучения, жития, воинские повести, повести-отчеты послов, сказания о чудесах, светские ораторские речи и т. д. В Новгороде, в Киеве, во Владимире, в Смоленске, в Переяславле Южном и в Переяславле Залесском, в Галиче и даже в небольшом городе Турове — всюду появляются способные писатели и своеобразные местные отщипы в стилистике литературных произведений. Наиболее близкая к жизни и наиболее оригиналь-

ная по обилию местных отличий — летопись — ведется почти в каждом городе, в каждом крупном монастыре, при дворе местного князя или даже при небольшой городской церкви. XII век представлен такими выдающимися писателями, как Климент Смолятич и Кирилл Туровский, такими выдающимися художественными произведениями, как Моление Даниила Заточника и Киевская летопись. В этом литературном подъеме XII века „Слово о полку Игореве“ бесспорно занимает самое высшее место.

„Слово о полку Игореве“ рассказывает о походе на половцев в 1185 г. храброго князя небольшого Новгород-северского княжества Игоря Святославича. С немногими силами, не сговорившись с киевским князем Святославом, Игорь Святославич Новгород-северский, очертя голову, „не сдержав юности“, как о нем говорит летопись, отправился в далекий поход на половцев, замыслив дойти до берегов Черного моря и вернуть Руси далекие земли у Керченского пролива, когда-то принадлежавшие Черниговскому княжеству.

Поход состоялся ранней весной 1185 г. Кроме самого Игоря Святославича, в нем участвовали два его сына (об этом прямо говорится в Лаврентьевской летописи) и князь Святослав Ольгович Рыльский. В походе у берегов Дона войско Игоря застало затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к войску Игоря присоединился его брат Всеволод Буй Тур — князь курский и трубчевский. Застигнуть половцев врасплох, как

рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские „сторожи“ (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. „Сторожи“ советовали возвратиться. Но вернуться домой без битвы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти. Первое столкновение войск Игоря с половцами было удачным. Русские преследовали половцев, захватили обоз и пленников.

На следующий день с рассветом половецкие полки, подобные лесу, стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя всю Половецкую землю. И в этом случае отважный Игорь не поворотил полков. Он произнес краткую ободряющую речь и приказал коинным спешиться, чтобы пробиваться сквозь половецкие полки всем вместе — и конной княжеской дружине и пешему ополчению из крестьян. Трое суток, день и ночь, медленно пробивался Игорь к Дону со своим войском. В бою Игорь был ранен. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. На рассвете утром вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников — так называемые „ковуи“ — дрогнули. Игорь покакал за ними, чтобы их остановить, но не смог их задержать и отдалился от своего войска. На расстоянии полета стрелы от своего полка он был пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод.

Поражение Игоря Святославича имело несчастные последствия для всей Русской земли. Никогда еще до того русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой

энергией ринулись на русские княжества. „Отворились ворота на Русскую землю“, по выражению летописца. . .

В плену Игорь пользовался относительно свободой и почетом. За него, как за раненого, поручился половецкий хан Кончак. Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался пойти „неславным путем“, но вскоре ему стало известно, что возвращающиеся с набега на русский город Переяславль половцы, обозленные неудачами, собираются перебить всех пленных. Игорь решил бежать. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь перебрался через реку, сел там на коня и незамеченным проехал через половецкий стан. Одинадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в родной Новгород Северский, Игорь вскоре пустился в объезд в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Так рассказывают о походе Игоря Святославича летописи. В „Слове о полку Игореве“ нет систематического рассказа об этом походе. Автор „Слова“ не столько рассказывает о событиях похода Игоря, сколько обсуждает их. Поход Игоря против половцев и поражение его войска — это для автора только повод, чтобы глубоко поразмыслить о судьбах Русской земли. Поражение

войск Игоря автор рассматривает как грозное предостережение виновникам несчастий — русским князьям, погрязшим в междоусобных войнах и сделавшим родину ареной постоянных набегов кочевников. Автор страстно негодует против междоусобных войн русских князей. Как подлинный выразитель интересов трудового населения, больше всего страдавшего от раздоров князей и нашествий половцев, он призывает прекратить междоусобные войны и объединиться против внешних врагов. Эта мысль — единение русских против общих врагов — и является главной мыслью произведения. Подлинный и горячий патриот, автор „Слова“ видит причину неудачи похода Игоря не в слабости русских воинов, а в князьях, которые разоряют родную землю и забывают общерусские интересы.

„Слово о полку Игореве“ начинается с размышления автора о том, как ему лучше начать рассказ о походе Игоря, — так ли, как пел когда-то старинный певец Боян, паривший мыслями под облаками, под перстами которого струны сами рокотали славу князьям, или придерживаясь ближе к действительным событиям. Автор выбирает последнее и начинает свой рассказ с того, что вспоминает, как грустно было начало похода Игоря, какими зловещими знаками — затмением солнца, воем волков по оврагам, лаем лисиц — он сопровождался. Сама природа как бы хотела остановить Игоря, не пустить его дальше. Поражение войск Игоря автор не описывает подробно. Он так страдает при мысли о нем, что не может

на нем сосредоточиться. Он вспоминает о других поражениях, об усобицах деда Игоря — Олега Гориславича и напоминает о страшных последствиях тех усобиц, когда не крестьяне в поле покрикивали на своих лошадей, а только вороны граяли, собираясь полететь на добычу. Ужасные последствия поражения Игоря для всей Русской земли как бы заставляют автора вспомнить о том, что еще недавно киевский князь Святослав с соединенными силами русских князей победил этих самых половцев. Он переносится мысленно в Киев, в терем Святослава, где Святославу снится злоущий и непонятный ему сон. Бояре объясняют Святославу, что сон этот «в руку» — Игорь Новгород-северский потерпел страшное поражение. И вот Святослав погружился в горькие думы. Он произносит небольшую речь — «золотое слово», в котором упрекает Игоря и его брата Всеволода Буй Тура за то, что они ослушались его, не уважили его седин, одни, без сговора с ним, самонадеянно пошли на половцев. Речь Святослава постепенно переходит в обращение самого автора ко всем виднейшим русским князьям того времени. Автор «Слова» напоминает русским князьям, как они сильны, как сильна их дружина, и просит их вступить в стремя за землю Русскую, за раны Игоревы. Он отмечает славные победы Всеволода Суздальского, его могущество и силу. Он говорит, что воины этого князя могут «шлемами вычерпать» Дон и расплескать воду Волги. Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор говорит, что

он подпер горы венгерские своими железными полками, загородив путь венгерскому королю, затворив ворота Дунаю. Автор «Слова» видит русских князей могущественными и славными. К одному за другим из русских князей обращается автор «Слова». Но вот гневная нота в голосе автора сменяется нежной и лирической: автор «Слова» вспоминает юную жену Игоря — Ярославну. Он приводит слова ее полного тоски плача по мужу и по его погибшим воинам. Ярославна плачет на городской стене в Путивле. Она обращается к ветру, к Днепру, к солнцу. Она тоскует и умоляет о возвращении мужа. Как бы в ответ на мольбу Ярославны, прыснуло море в полночь, закрутились смерчи на море: Игорь побежал из плена. Описание бегства Игоря из плена — одно из самых поэтических мест в «Слове о полку Игореве». Заканчивается «Слово» радостно — возвращением Игоря на Русскую землю и пением ему славы при въезде в Киев. Несмотря на то, что «Слово» посвящено теме поражения Игоря, оно глубоко оптимистично. Оно полно уверенности в могуществе русских, оно полно веры в славное будущее Русской земли.

В одном из писем к Энгельсу в 1856 г. Карл Маркс так определил главную идею «Слова о полку Игореве»: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». ¹ Эта идея единения перед лицом страшной внеш-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XXII. М.—Л. 1931. Стр. 123.

ней опасности подчиняет себе все содержание „Слова“. Призыв к единению проникнут в „Слове“ самой страстной, самой сильной и самой нежной любовью к родине.

Необходимость крепкой защиты родины осознавалась прогрессивными представителями класса феодалов. Она в высокой степени отвечала интересам всего трудового народа. Народные массы неоднократно брали на себя инициативу защиты Русской земли от внешних врагов. Когда в 1017 г. разбитый Святополком и польским королем Болеславом Ярослав Мудрый бежал в Новгород и собирался дальше уплыть за море, народ рассек лады Ярослава и обратился к нему со словами: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком“. Народ собрал Ярославу деньги и дружину, и враги Руси были побеждены. Когда в 1068 г. Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи были разбиты половцами и бежали, народ киевский созвал вече на торговище и обратился к князьям: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“. Отказ Изяслава выдать оружие для борьбы с половцами вызвал восстание. Когда в конце XI века произошла резкая вспышка княжеских междоусобиц, народ киевский послал к Владимиру Мономаху представителей с особенно знаменательными словами: „Молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, поганин имуть радватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стятили отци ваши и деди ваши трудом великим и

храбрством, побаражише по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“.

Отстаивая необходимость обороны Русской земли объединенными силами, автор „Слова“ выражал интересы всего русского народа. Он не был идеологом князей, бояр-землевладельцев или духовенства. При всем сочувствии автора „Слова“ к Игорю Святославичу, он не был его придворным поэтом или льстивым оратором и не был защитником местных интересов (черниговских, киевских или новгород-северских). Игорю он сочувствует; сочувствует — за его храбрость, мужество, прямоту, гордость, но и осуждает его безрассудство и недалечность. Автор „Слова“ занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. В числе князей, к которым он обращается, он называет и Ольговичей и мономаховичей. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси. Сам автор „Слова“, конечно, не был ни крестьянином, ни ремесленником. Это был человек не только грамотный, но и хорошо образованный. Его осведомленность в политических делах современной ему Руси обличает в нем человека, близко стоящего к княжеской среде. Он мог быть дружинником одного из князей или дружинным певцом. Однако социальное положение автора „Слова“ отнюдь не определяло его социальных симпатий. „Слова“ — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв

к защите мирного созидательного труда русского населения. Его автор неразрывно соединил свои думы и надежды с думами и надеждами всего русского народа. Именно это определило собой глубокую народность не только содержания, но и художественной формы „Слова“. Автор „Слова“ творит в формах народной поэзии потому, что он сам близок к народу, стоит на народной точке зрения. С народной поэзией связывают его и общественно-политическое мировоззрение и художественные вкусы.

„Слово“ повествует не только о князьях: оно говорит о народе, о простых „ратаях“—пахарях, о „русичах“—русских сынах, о курских кметях, о русских воинах, о женах этих воинов. Оно сочувствует народу в целом. Вот почему оно и по своим художественным особенностям близко народной поэзии.

Конечно, „Слово о полку Игореве“ отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю. Не случайно в „Слове“ многократно говорится о песнях, плачах и „славах“. „Слово“ упоминает о пении девиц на Дунае, о плаче русских жен и приводит слова этого плача, приводит и лирическую песнь-плач Ярославны, близкую к народным плачам. В народных плачах постоянно те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны.

„Слово“ насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя,

тут и никнущая от жалости трава, и сравнения битвы с пиром, с жатвой. Народен сон Святослава, полный устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря: в сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Подобно Игорю, обернувшись соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславьевиче Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода Буй Тура близко напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Даже языческие боги, упоминаемые в „Слове“, воспринимаются как образы народной поэзии.

Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно тому как Илья Муромец „куда махнет—туда улнца, куда перемахнет—туда переулоч“, так и Всеволод Буй Тур—куда пскачет, там лежат поганые головы половецкие. Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл „Слова о полку Игореве“. Ярослав заступает королю путь, затворяет Дунаю ворота, мечет тяжести через облака, отворяет Киеву ворота, стреляет со своего отцовского золотого стола салтанов за землями.

Встречаются в „Слове“ и другие признаки его тесной связи с народной поэзией. Народная стихия в „Слове“ выражается в отрицательных метафорах („Немизь кровави брезь не бологомь бяхуть посъяни, посъяни костьми рускихъ сыновъ“), в некоторых чисто фольклорных эпитетах

(чистое поле, серые вошки, острые мечи, синее море и др.), в характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава Киевского), в аллитерациях, в отдельных гиперболах, сравнениях и т. д. Однако автор освежает традиционные книжные и фольклорные мотивы, давая им неожиданное освещение, углубляя и продолжая их в контексте. Так, например, обычную метафору воинских повестей «летящу стрелы, как дождь» автор оживляет новым ее применением: тучи идут с моря — итти дождю стрелами. Традиционные образы народной поэзии употреблены в «Слове» в высшей степени обдуманно и точно соответствуют реальному положению вещей. Так, например, обычное народное сравнение битвы с пиром, а врагов — со сватами («сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую») имело реальные основания: хан Кончак действительно приходился сватом Игорю (сын Игоря Владимир женился в плену на дочери Кончака).

«Слово о полку Игореве» — произведение очень небольшое, но по этому небольшому произведению мы можем судить об огромном богатстве языка его автора. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто «блестят» — они «трепещут»; трава не просто «полегла» — она «никнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет

тьмою» и т. д. Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «ледеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возледеял» к ней ее милого мужа, т. е., «ледеючи», помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение в устах любящей Ярославны как бы исходит из ее тоскующего сердца. Автор «Слова» скуп на эпитеты, но зато употребленные им — поразительно метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет выбран автором не случайно — он связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (т. е. через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в который эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые», — этим подчеркивается искусство игры Бояна, они как бы сами рокочут славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Однако самое замечательное в художественной системе автора «Слова» то, что он в основном не «изобретал» новых образов, не выдумывал сравнений, не гонялся за новизною и неожидан-

ностью художественных средств. Он творил свое произведение на основе тех образов, той символики, которая уже была до него в поэтическом языке и в обыденной устной русской речи.

Образы битвы-пира, битвы-жатвы или битвы-грозы, образ воина-сокола, образ врага-ворона, символ войны — меч, символ независимости города — ворота, символ поражения — поверженный стяг, метонимии — «всесть на конь» вместо «выступить в поход», «воинить меч (в ножны)» вместо «прекратить военные действия», эпитеты — «серебряная» седина, «храбрая» дружина, «синяя» мгла, «светлое» солнце, «красные» девицы, «черный» ворон и т. д. — все это уже было в поэтическом и разговорном русском языке еще до того, как автор «Слова» написал свое произведение.

В этом использовании уже существующих богатств языка, в умении показать их поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов народности художественной формы «Слова». Можно смело сказать, что «Слово» приучало любить русскую обыденную речь, давало почувствовать красоту русского языка. И именно эта тесная связь поэтических средств «Слова» с поэтическими средствами русского языка в целом, отсутствие боязни прибегать к «основному фонду» поэтической образности, заложенной в русском языке и в русской народной поэзии, явились одним из оснований его бессмертия. «Слово» потому и сохраняет для нас всю силу своего обаяния, что автор его не занимался изобрета-

тельством собственных поэтических средств, а брал их из неисчерпаемой и прочной сокровищницы народной русской поэзии и русской речи, отложившейся и устоявшейся в народном сознании.

Народность «Слова» находится в тесной связи с его глубокой человечностью. Автор «Слова» проникся думами русского трудового народа, его поэзией, стал выразителем его интересов, так как сам обладал большим человеческим пониманием, сильными человеческими чувствами — простыми и понятными и в наше время.

Максим Горький говорил о русском искусстве нового времени: «Русское искусство — прежде всего сердечное искусство. В нем неугасимо горела романтическая любовь к человеку, этим огнем любви блещет творчество наших художников, великих и малых...»¹ Зачатки этой «сердечности» мы можем заметить и в древнейших произведениях русской литературы. Она отчетливо проявляется уже в «Слове о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» — одно из самых гуманистических произведений мировой литературы. Оно отмечено печатью особой человечности, особенно внимательного отношения к человеческой личности. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержаться от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя

¹ Сб. «М. Горький о родные». М. 1945. Стр. 48.

восклицаниями горя: „О! далече заиде соколъ, птицъ бья,— къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити!“; „О, стонати Руской земли, помянувшие пръвую годину и пръвыхъ князей!“ Автор „Слова“ одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Природа сочувствует русским и стремится предупредить их об опасности, остановить Игоря на его гибельном пути. Чувства автора „Слова о полку Игореве“ так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, будто этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы — вся природа и даже бездушные „забралы“ городов щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы оказываются удесяттеренными в силе.

Автор „Слова“ с осязательной живостью рисует себе удаление русского войска и дважды восклицает: „О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!“ Душевные переживания воинов, перешедших границы родной земли, переданы здесь с удивительной точностью.

Автор как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшееся поражение,

несмотря на всю его очевидность; он восклицает: „Что ми шумить, что ми звенить далече рано пред зорями?“

С исключительной внимательностью проникает автор в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами и противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает их за безрассудную затею похода на половцев без сговора с остальными русскими князьями: „Се ли створисте моеи сребренеи сѣднѣ!“

Автор „Слова“ проникновенно и сочувственно понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптавъ „поганые“ полки пеловецкие, „помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Ортьмами и япончицами и кожуху начыша мосты мостити по болотомъ и грязывымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половецкыми“. И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор „Слова“ с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своему мужу. Нежность Ярославны и суровость воинов понятны и близки ему в равной мере.

Сочувственно понимает автор и предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он с удивительной человечностью говорит об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы, на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изро-

нил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность „Слова“ проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается в характеристиках действующих лиц, выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор „Слова“ в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах своего произведения, в „Слове“ нет и двух одинаковых действующих лиц. Каждый из многочисленных героев „Слова“ наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми различными художественными средствами. Образ Бояна — „соловья старого времени“ — раскрыт характеристикой его художественной манеры. Характеристика юной жены Игоря — Ярославны воплощена в ее лирической песне. Описание воинской готовности „сведомых кметей“ — курских воинов Всеволода Буй Тура — является одновременно и их лучшей характеристикой.

Наблюдательностью и внимательным отношением к человеческой личности отмечены отдельные эпитеты, которыми наделены в „Слове“ действующие лица. Ярослав Мудрый назван „старым“, и этим подчеркнут не только его возраст, но и его опыт, ум. Его брат Мстислав Владимирович Великий, вступающий в единоборство с врагами Русской земли, назван „храбрым“. Роману Святославицу придан эпитет „красный“, т. е. красивый. Мужественный и сильный брат

Игоря Всеволод назван „буй туром“ и „яр туром“. Жена Всеволода — его „милая хоть“ — „красная“; Кобяк — „поганий“; мудрого и прозорливого Бояна автор „Слова“ называет „вещим“, вонны Романа Мстиславича — „железные“ и т. д.

Особенно любит автор „Слова“ эпитет „храбрый“. „Храбрый“ у него не только Мстислав, Игорь, Борис Вячеславич, „храбрыми“ названы не только дружина, ольговичи, все русские сыны — „русичи“, — даже самая мысль Романа Мстиславича „храбрая“. В этом сказалось особое пристрастие автора „Слова“ к тем качествам, которые были нужнее всего родине.

Глубокое человеческое содержание находит автор „Слова“ во всем, что останавливает на себе его внимание. Глубокой человечностью веет на нас от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны гремят, „трупиа себѣ дѣляче“, а галки „свою рѣчь говоряхуть“, собираясь полететь на добычу, до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Эта необыкновенная чуткость автора „Слова“ к человеческому страданию, его большое и умное сердце не могли не привлечь его к народному горю — к бедствиям трудового русского населения. Народность и гуманизм автора — это, в сущности, две стороны одного и того же. Благодаря им „Слово“ живет и для нас, продолжает волновать нас и до сих пор.

Но чувства автора „Слова“ и его народность не оторваны от эпохи, от материальных условий, их породивших, от родины, их воспитавшей. Автор „Слова“ — русский прежде всего. Его чувства целиком подчинены всепроникающей любви к родной ему Русской земле. Именно эта Русская земля явилась главным героем его произведения. И именно эта любовь к родине, к русским людям до предела усилила его чувства, сделала их сложными, обострила его слух, зрение, его поэтическое воображение. Именно она, любовь к родине, явилась его подлинной вдохновительницей.

Любовь к родине и к „русским сынам“ помогла автору „Слова“ проникнуть в думы русских воинов, переступивших границу Русской земли на „шеломьяни“. Любовь к родине и к безвестным нам „русичам“ из храброго полка Игоря помогла ему ощутить тревогу мучительно долгой ночи накануне сражения. Любовь к родине раскрыла ему скорбные переживания Ярославны, наполнила его сердце жгучим горем о погибших русских воинах. Любовь к родине и к русскому народу позволила автору „Слова“ подглядывать и подслушивать своим творческим воображением и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамена природы, и радость русских родов и сел по поводу возвращения Игоря из плена, и даже злобный и торопливый разговор ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем.

В основе гениальной наблюдательности автора „Слова“, в основе силы и свежести его человеческих чувств лежала его любовь к родной ему

страдающей Русской земле. Любовь к родине водела его пером и определила собой глубокую народность содержания и формы „Слова“, высоко подняла его над пределами своего времени, сделала его произведение бессмертным и общечеловеческим, народным и гуманистическим, полным горячего лиризма и самой трепетной художественной правды.

Вот почему значение „Слова“ так безмерно возросло в нашу великую советскую эпоху. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех советских людей, беззаветно преданных своей родине.

Более чем семь с половиной веков живет „Слово о полку Игореве“ полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и расширяется. Такова власть над временем его народности, его живой связи с мирозрением и творчеством трудового народа. Ибо подлинно гениальное и прогрессивное произведение всегда народно, а потому бессмертно.

Д. Лихачев

**СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Текст сгоревшего в пожаре в 1812 г. списка „Слова о полку Игореве“ дошел до нас в двух воспроизведениях: в печатном издании 1800 г. и в писарской копии 1795—1796 гг., сделанной для Екатерины II и найденной в Государственном архиве. Оба эти воспроизведения не передают без-ошибочно текст „Слова о полку Игореве“. Уже сам погибший список „Слова“ был довольно поздним (повидимому, начала XVI века) и содержал ряд искажений, обычно появлявшихся в древнерусских произведениях в результате их переписки из рукописи в рукопись. Еще более текст „Слова“ был искажен в печатном издании и в особенности в копии. И в печатном издании и в копии орфография „Слова“ приближена к требованиям XVIII века, иногда текст неправильно разбит на слова (в рукописях XVI века было обычно слитное написание слов), введена произвольная пунктуация и т. д. В результате и в печатном издании и в копии довольно много искажений: текст обоих иногда расходится между собой.

За полтора века изучения „Слова“ издатели, комментаторы и переводчики предложили множество поправок, многие из которых не вызывались

необходимостью и еще более искажали уже испорченный текст. Уже Пушкин, с величайшей бережностью относившийся к дошедшему тексту „Слова“, писал: „Толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными“. Вот почему в предлагаемом тексте мы прибегаем лишь к самым необходимым поправкам и не ставим себе целью реконструировать „Слово“ в том его виде, как оно было создано его автором. Мы лишь устранили самые очевидные ошибки печатного издания и копии.

В основу издания положен текст печатного издания, который воспроизводится в наибольшей близости. Изредка введены исправления на основании явно лучших чтений копии или устранены очевидные ошибки издателей и, реже, самого сторевавшего списка. Все расхождения с копией или исправления в печатном издании отмечены в разделе вариантов, помещаемом вслед за текстом. В вариантах печатное издание обозначается буквой П, писарская копия — буквой К. Не оговорены изменения в пунктуации, целиком относящейся к XVIII веку (пунктуация XVI века коренным образом отличалась от пунктуации XVIII века). Не оговорены деление текста на слова (за исключением некоторых характерных случаев; в XVI веке деление текста на слова либо отсутствовало вовсе — текст писался сплошь, либо отличалось от современного) и разбивка текста на абзацы. Следуя изданию акад. А. С. Орлова, мы устранили в тексте букву „i“, проста-

вленную издателями и копинистом по правилам орфографии XVIII века, и заменили ее буквой „и“ (например, в издании 1800 г. принято сочетание „и“, а в рукописях XVI века обычным было сочетание „ii“ и др.). Выносные буквы писарской копии печатаются в вариантах (в конце текста) вверху строки.

При чтении древнерусского текста „Слова“ следует иметь в виду, что „ъ“ и „ь“ в середине слов читаются иногда как „о“ и „е“, а сочетания „лъ“, „ръ“, „ерь“ читаются в середине слов как „ол“, „ор“, „ер“ („плъку“ — полку; „брьзя“ — борзя; „мръкнетъ“ — меркнет; „длъго“ — долго; „чръленья“ — черленья и т. д.).

**СЛОВО О ПЛЪКУ¹ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА**

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти² старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку³ Игоревѣ, Игоря Святъславлича?⁴ Начати же ся тѣи⁵ пѣсни по былинамъ⁶ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь⁷ творити, то растѣкашется⁸ мыслню по древу, сѣрымъ вѣлкомъ⁹ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ¹⁰ бо, речъ,¹¹ пѣрвыхъ¹² времянь усобицѣ. Тогда пушашеть¹⁰ соколовъ¹⁴ на стадо лебедѣй:¹⁵ которыи¹⁶ дотечаше, та преди пѣснь¹⁷ пояше старому Ярославу,¹⁸ храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы¹⁹ касожьскими,²⁰ красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10²¹ соколовъ²² на стадо лебедѣй²³ пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ старого Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ²⁴ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплъннися²⁵ ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы²⁶ на землю Половѣцкую²⁷ за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои брѣзья²⁸ комони, да позримъ синего Дону“. Спаль²⁹ князю умъ³⁰ похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. „Хошу бо,— рече,— копие приломити конецъ поля Половецкаго;³¹ съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“.

О Бояне, соловию старого³² времени! Абы ты сиа плъкы³³ уцекоталъ, скача, славню, по мыслену древу, летая умомъ³⁴ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы.

Пѣти было пѣснь³⁵ Игореви, того³⁶ внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,— галици стады бѣжать къ Дону великому“. Чи ли

вспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ³⁷ внуче:
„Комони ржутъ за Сулою,—звенить слава въ
Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ,—стоятъ
связи въ Путивлѣ!“

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече³⁸
ему буй туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ³⁹
свѣтъ свѣглый — ты, Игорю! оба есвѣ Святъслав-
личя! Сѣдлай, брате, свои брѣзьи⁴⁰ комони, а мои
ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои
ти куряни свѣдоми кѣмети:⁴¹ подѣ трубами по-
вити, подѣ шелома възлѣлѣяни,⁴² конецъ копия
въскрѣмлени, пути имь⁴³ вѣдоми, яругы имь⁴⁴
знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени,
сабли изъострени;⁴⁵ сами скачють,⁴⁶ акы сѣрыи
влѣци⁴⁷ въ полѣ, ищучи себе⁴⁸ чти, а князю
славѣ“.

Тогда вѣступи⁴⁹ Игорь князь въ златѣ стре-
мень и поѣха по чистому полю. Солнце ему
тѣмою⁵⁰ путь заступаше; ночь стонуци ему гро-
зою птичь убуди; свистъ звѣринѣ вѣста; збися⁵¹
дивѣ, кличетъ⁵² врѣху древа: велитъ послушати —
земли незнаемѣ, Влѣзѣ,⁵³ и Поморию,⁵⁴ и Посу-
лию,⁵⁵ и Сурожу, и Корсую, и тебѣ, Тьмутора-
каньскый⁵⁶ блѣванѣ! А половци неготовами до-
рогами побѣгоша къ Дону великому; кричатъ

тѣлѣгы⁵⁷ полунощы,⁵⁸ рци, лебеди роспушени:
„Игорь къ Дону вои ведетъ!“

Уже бо бѣды его пасеть⁵⁹ птичь по дубию;⁶⁰
влѣци⁶¹ грозу въсрожать⁶² по яругамъ;⁶³ орли
клектомъ на кости звѣри зовуть; лисици брешуть
на чръленья⁶⁴ щиты. О Руская земле! Уже за
шеломянемъ⁶⁵ еси!

Длѣго⁶⁶ ночь мръкнетъ.⁶⁷ Заря свѣтъ запала.
Мѣгла⁶⁸ поля покрыла. Щекоть славий успе; го-
ворѣ галичь убуди. Русичи великая поля чръле-
ными⁶⁹ щиты прегородиша, ищучи себѣ чти,
а князю славы.

Съ зараня въ пятокъ⁷⁰ потопташа поганья
плѣкы⁷¹ половецкая, и рассушяся⁷² стрѣлами по
полю, помчаша красныя дѣвки половецкая, а съ
ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.
Орѣтьмами,⁷³ и япончицами, и кожухы начаша⁷⁴
мосты мстити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ,
и всякими узорочьи половецкими.⁷⁵ Чрълень⁷⁶
и всякими узорочьи половецкими.⁷⁵ Чрълень⁷⁶
стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена⁷⁷ чолка, сребрено
стружие — храброму Святъславличю!⁷⁸

Дремлетъ⁷⁹ въ полѣ Ольгово⁸⁰ хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!⁸¹ Не было оно⁸² обидѣ поро-
ждено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный⁸³
воронѣ, поганый половчине! Гзакъ бежитъ⁸⁴ съ-

рымъ вълкомъ,⁸⁵ Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;⁸⁶ чръныя⁸⁷ туча⁸⁸ съ моря идуть,⁸⁹ хотять⁹⁰ прикрыти 4⁹¹ солнца, а въ нихъ трепещуть⁹² синии мълнии.⁹³ Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!⁹⁴ Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти⁹⁵ о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго!⁹⁶ О Руская землѣ!⁹⁷ Уже за⁹⁸ шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами⁹⁹ на храброя плѣкы¹⁰⁰ Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ,¹⁰¹ пороси поля прикрывають,¹⁰² стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы¹⁰³ оступиша.¹⁰⁴ Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русци преградиша чрълеными¹⁰⁵ щиты.

Яръ туре Всеволодѣ!¹⁰⁶ стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами,¹⁰⁷ гремлещи о шеломы мечи харалужными! Камо, туръ, поскочяше,¹⁰⁸ своимъ златымъ¹⁰⁹ шеломомъ¹¹⁰ посвѣтивая, тамо лежать¹¹¹ поганяя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварская отъ

тебе, яръ туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ¹¹² чти и живота, и града Чрънигова¹¹³ отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая.

Были вѣчи Трояни,¹¹⁴ минула лѣта Ярославля; были плѣци¹¹⁵ Ольговы, Ольга¹¹⁶ Святъславличя.¹¹⁷ Тѣй¹¹⁸ бо Олегъ мечемъ¹¹⁹ крамолу коваше и стрѣлы¹²⁰ по земли сѣяше. Ступаеть въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканѣ,¹²¹ той же¹²² звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ¹²³ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Ольгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ¹²⁴ повелѣ яти¹²⁵ отца своего между угорскими иноходци¹²⁶ ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть¹²⁷ жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци челоукомъ¹²⁸ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти¹²⁹ на удие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы,¹³⁰ а си-

цей¹³¹ рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять¹³² стрѣлы¹³³ каленныя, гримлють¹³⁴ сабли о шеломы, трещать¹³⁵ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна¹³⁶ земля подѣ копыты костыи была посѣяна, а кровию поल्याна: тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече¹³⁷ рано предѣ зорями? Игорь плѣкы¹³⁸ заворочаетъ¹³⁹ жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася¹⁴⁰ другой; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игорева. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ докончаша храбрии русичи: сваты попонша, а сами полегоса за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселя година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила¹⁴¹ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебединными крылы¹⁴² на синѣмъ¹⁴³ море¹⁴⁴ у Дону; плещучи, упуди¹⁴⁵ жирня времена. Усобица княземъ¹⁴⁶ на поганяя погыбе, рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“. И начяша¹⁴⁷ князи про малое „се ве-

ликое“ мльвити,¹⁴⁸ а сами на себѣ¹⁴⁹ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птицъ бья,— къ морю! А Игорева храбраго¹⁵⁰ плѣкы¹⁵¹ не крѣснти!¹⁵² За нимъ¹⁵³ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ¹⁵⁴ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския¹⁵⁵ въсплакашася, аркучи: „Уже намъ¹⁵⁶ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима¹⁵⁷ сѣглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“.

А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ¹⁵⁸ напастыи. Тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече¹⁵⁹ средѣ¹⁶⁰ земли Рускыи.¹⁶¹ А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,¹⁶² Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста,¹⁶³ которую то бяше успилъ отецъ¹⁶⁶ ихъ Святъславъ грозныѣ¹⁶⁷ великый¹⁶⁸ киевскый¹⁶⁹ грозою: бяшетъ притрепаль¹⁷⁰ своими сильными¹⁷¹ плѣкы¹⁷² и харалужными мечи; наступи на землю Половец-

кую, притопта хлѣми и яругы, взмути¹⁷³ рѣкы¹⁷⁴ и озеры, иссуши потоки¹⁷⁵ и болота. А поганого¹⁷⁶ Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ¹⁷⁷ великихъ¹⁷⁸ плѣковъ¹⁷⁹ половецкихъ,¹⁸⁰ яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гриднищѣ Святъславли. Ту нѣмци и венецици, ту греци и моравя поють славу Святъславлю, кають¹⁸¹ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя,¹⁸² рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ¹⁸³ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощинево. Уныща бо градомъ забрала, а веселие пониче.

А Святъславъ¹⁸⁴ мутенъ сонъ¹⁸⁵ видѣ¹⁸⁶ въ Киевѣ на горахъ. „Си ночь съ вечера одѣвахуть¹⁸⁷ мя, — рече, — чръною¹⁸⁸ паполомою на кровати¹⁸⁹ тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ¹⁹⁰ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тлѣковинъ¹⁹¹ великий женчюгъ на лоно и нѣгують¹⁹² мя. Уже дьскы¹⁹³ безъ кнѣса в¹⁹⁴ моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.¹⁹⁵ Всю ночь съ вечера бусови¹⁹⁶ врани възграяху у Плѣсньска,¹⁹⁷ на болони бѣша дебръ княия,¹⁹⁸ и несошася¹⁹⁹ къ синему морю“.

И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста²⁰⁰ съ отня

стола злата поискати града Тьмутороканя,²⁰¹ а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца²⁰² припѣшали поганыхъ саблями, а самаю²⁰³ опуташа²⁰⁴ въ путины желѣзны.

Темно бо бѣ въ 3²⁰⁵ день: два солнца помѣркоста,²⁰⁶ оба багряная стлѣпа погасоста и съ нима²⁰⁷ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою²⁰⁸ ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста²⁰⁹ хинови.²¹⁰ На рѣцѣ на Каялтѣма свѣтъ покрыла; по Руской земли прострошася половци, аky²¹¹ пардуже гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеся²¹² днѣв²¹³ на землю. Се бо готъскыя²¹⁴ красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поють²¹⁵ время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия!“²¹⁶

Тогда великий²¹⁷ Святъславъ²¹⁸ изрони злато слово с²¹⁹ слезами смѣшено и рече: „О моя сыновчя,²²⁰ Игорю и Всеволоде! Раню еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте.²²¹ Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ²²² харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многово²²³ брата моего Ярослава, съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры,²²⁴ и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы.²²⁵ Тии бо бес²²⁶ щитовъ²²⁷ съ засапожники кликомъ плѣкы²²⁸ побѣждають,²²⁹ звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „Мужаймъся²³⁰ сами: преднюю славу сами похитимъ,²³¹ а заднюю си²³² сами подѣлимъ!“²³³ А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ²³⁴ бываетъ,²³⁵ высоко птицъ²³⁶ възбиваетъ:²³⁷ не дастъ²³⁸ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми неспособность: наниче ся години обратиша. Се у Римъ²³⁹ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!“

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можещи Волгу веслы раскропити,²⁴⁰ а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ. Ты бо можещи посуху живыми шерешеры²⁴¹ стрѣляти,²⁴² удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вон²⁴³ значеными шеломы по крови плаваша? Не ваю

ли храбрая дружина рыкають²⁴⁴ акы²⁴⁵ тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ? Вступита, господина,²⁴⁶ въ злата стремянь за обиду сего времени, за²⁴⁷ землю Рускую,²⁴⁸ за раны Игоревы, буюго Святъславича!²⁴⁹

Галички Осмомыслѣ²⁵⁰ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованиѣмъ²⁵¹ столѣ, подперъ горы Угорскыи²⁵² своими желѣзными плѣкы,²⁵³ заступивъ королеви путь, затворивъ²⁵⁴ Дунаю ворота, меча бремени²⁵⁵ чрезъ облакы,²⁵⁶ суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ,²⁵⁷ отворяеши²⁵⁸ Киеву врата, стрѣляеши²⁵⁹ съ отня злата стола салътани²⁶⁰ за землями. Стрѣлай,²⁶¹ господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславича!²⁶²

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ²⁶³ вашъ²⁶⁴ умъ²⁶⁵ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣ-трехъ²⁶⁶ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи²⁶⁷ паперси²⁶⁸ подъ шеломы латиньскими.²⁶⁹ Тѣми тресну земля, и многы²⁷⁰ страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя поврѣгоша,²⁷¹ а главы своя подклониша²⁷² подъ тии мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю, утрѣпѣ²⁷³ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ²⁷⁴ листови срони: по Рси
и²⁷⁵ по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбро-
раго плѣку²⁷⁶ не крѣсити!²⁷⁷ Донъ ти, княже,
кличеть²⁷⁸ и зоветь²⁷⁹ князи на побѣду. Олго-
вичи, храбрыи князи, dospѣли на брань...

Инъгварь²⁸⁰ и Всеволодъ и вси три Мстисла-
вичи,²⁸¹ не худа²⁸² гнѣзда шестокрилци!²⁸³ Не
побѣдными жребии собѣ власти расхытите! Кое
ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи²⁸⁴ и
щиты? Загородите полю ворота своими острыми
стрѣлами²⁸⁵ за землю Рускую,²⁸⁶ за раны Иго-
ревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть²⁸⁷ серебряными струями
къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ²⁸⁸ те-
четъ онымъ грознымъ полочаномъ²⁸⁹ подѣ кли-
комъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Ва-
сильковъ,²⁹⁰ позвони своими острыми мечи о ше-
ломы литовскыя,²⁹¹ притрепа славу дѣду своему
Всеславу, а самъ подѣ чрълеными щиты на кро-
вавѣ травѣ притрепанъ литовскыи мечи и с хо-
тию на кров, а тѣи²⁹² рекъ: „Дружину твою, княже,
птиць крылы приодѣ, а звѣри²⁹³ кровь полизаша“.
Не бысть²⁹⁴ ту брата Брючяслава,²⁹⁵ ни другаго
Всеволода: единъ же изрони жемчюжну²⁹⁶ душу

изъ храбра тѣла чресь²⁹⁷ злато ожереліе. Уны-
ли²⁹⁸ голоси,²⁹⁹ пониче веселие, трубы трубають
городеньскыи.

Ярослави вси внуце и Всеслави!³⁰⁰ Уже по-
низите³⁰¹ стязи свои, вонзите³⁰² свои мечи вере-
жени. Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы
бо своими крамолами начасте³⁰³ наводити пога-
ныя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Ко-
торою³⁰⁴ бо бѣше насиліе отъ земли Половец-
кыи!

На седьмомъ³⁰⁵ вѣцѣ Трояни³⁰⁶ врѣже Всеславъ
жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣи³⁰⁷ клюками
подпрѣ ся о кони и скочи къ граду Києву и до-
тчеся стружемъ злата стола киевскаго.³⁰⁸ Скочи
отъ нихъ³⁰⁹ лютымъ звѣремъ³¹⁰ въ плѣночи³¹¹
изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ³¹² мѣглѣ; утрѣ же³¹³
возни³¹⁴ стрикусы, — отвори³¹⁵ врата Новуграду,
разшибе³¹⁶ славу Ярославу, скочи влѣкомъ³¹⁷ до
Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють³¹⁸ головами, моло-
тятъ чеши харалужными,³¹⁹ на тоцѣ животь³²⁰
кладуть,³²¹ вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кро-
вави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни
костью рускихъ сыновъ.³²²

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады

рядяше, ³²³ а самъ въ ночь влъкомъ ³²⁴ рыскаше: изъ ³²⁵ Києва дорискаше до куръ Тмуроканя, великому Хрѣсови влъкомъ ³²⁶ путь прерыскаше. Тому въ Полотъскѣ ³²⁷ позвониша заутренюю рано у святяга Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ ³²⁸ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое ³²⁹ припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“.

О стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую ³³⁰ годину и прѣвыхъ ³³¹ князей! Того стараго Владимира нельзѣ ³³² бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ: ³³³ сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзни — Давидовы, ³³⁴ нѣ розно ся ³³⁵ имѣ хоботы пашуть. ³³⁶ Копна поють!

На Дунаи Ярославнынъ ³³⁷ гласъ ся ³³⁸ слышитъ, ³³⁹ зегзицею незнаема ³⁴⁰ рано кычетъ: „Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“.

Ярославна рано плачетъ ³⁴¹ въ ³⁴² Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „О вѣтрѣ, ³⁴³ вѣтрило! Чему, господине, ³⁴⁴ насильно вѣеши? Чему мычени хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилицю

на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ ³⁴⁵ горѣ ³⁴⁶ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?“

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О Днепре Словутицю! ³⁴⁷ Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады ³⁴⁸ до плѣку ³⁴⁹ Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море ³⁵⁰ рано“.

Ярославна рано ³⁵¹ плачетъ ³⁵² въ ³⁵³ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! ³⁵⁴ Всѣмъ ³⁵⁵ тепло и красно еси: чему, господине, ³⁵⁶ простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводиѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче?“

Прысну море полунощи; идуть ³⁵⁷ сморци мѣглами. Игоревни князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори. ³⁵⁸ Игорь спитъ, ³⁵⁹ Игорь бдитъ, ³⁶⁰ Игорь мыслию поля мѣритъ ³⁶¹ отъ великаго ³⁶² Дону до малаго Донца. Комонъ въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну

земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии подви-
зашася. А Игорь князь поскочи ³⁶³ горнастаемъ ³⁶⁴
къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въврѣ-
жеся ³⁶⁵ на брѣзь ³⁶⁶ комонь, и скочи съ него
бусымъ ³⁶⁷ влъкомъ. ³⁶⁸ И потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, ³⁶⁹ избивая гуси
и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь
соколомъ ³⁷⁰ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ ³⁷¹ по-
тече, труся собою студеную росу: претръгоста
бо своя брѣзая ³⁷² комоня.

Донецъ ³⁷³ рече: „Княже Игорю! Не мало ти
величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли ве-
селна“.

Игорь рече: „О Донце! Не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влънахъ, ³⁷⁴ стлавшу ему зе-
лѣну ³⁷⁵ траву на своихъ ³⁷⁶ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами ³⁷⁷ подѣ сѣнию
зелену древу; строжаше его ³⁷⁸ гоголемъ на
водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на вет-
рѣхъ“.

Не тако ти, ³⁸⁰ рече, рѣка Стугна; худу струю
имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена
к устью, ³⁸¹ уношу князю Ростиславу затвори.
Диѣпиръ темѣ березѣ плачется мати Ростис-
славля ³⁸² по уноши князи Ростиславѣ. Уныша

цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣ-
клонилось. ³⁸⁸

А не сороки втроскоташа: на слѣду Игоревѣ
ѣздить ³⁸⁴ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не
граахуть, галици помлъкоша, ³⁸⁵ сороки не троско-
таша, полозие ³⁸⁶ ползаша ³⁸⁷ только. ³⁸⁸ Дятлове
тектomъ путь къ рѣцѣ кажутъ, ³⁸⁹ соловии весе-
лыми пѣсньми ³⁹⁰ свѣтъ повѣдають.

Млѣвить ³⁹¹ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ
къ гнѣзду летить, ³⁹² — соколича рострѣяевѣ
своими злачеными стрѣлами“.

Рече ³⁹⁴ Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣз-
ду летить, ³⁹⁵ а вѣ соколца опутаевѣ красною ди-
вицею“.

И рече ³⁹⁷ Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опу-
таевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици
бити въ полѣ Половецкомъ“.

Рекъ Боянь и Ходына, ³⁹⁸ Святъславля пѣсно-
творца ³⁹⁹ стараго времени Ярославля, Ольгава
коганя хоти: „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло
ти тѣлу кромѣ головы“, — Руской земли безъ
Игоря.

„Солнце свѣтитя на небесѣ ⁴⁰⁰ — Игорь князь
въ Руской земли“; дѣвици поють на Дунаи, —

вьются голоси чрезъ ⁴⁰¹ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, ⁴⁰² а потомъ молодымъ ⁴⁰³ пѣти: „Слава Игорю Святъславличю, ⁴⁰⁴ буй туру Всеволоду, ⁴⁰⁵ Владимиру Игоревичу!“ ⁴⁰⁶

Здрави князи и дружина, побарая за христьяны ⁴⁰⁷ на поганяя плѣки! ⁴⁰⁸

Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

РАЗНОЧТЕНИЯ К ТЕКСТУ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

¹ П; К полку. ² П; К начати. ³ П; К полку. ⁴ П; К Святъславлича. ⁵ П; К ть. ⁶ П; К былинамъ. ⁷ П; К пѣснѣ. ⁸ П; К растекашется. ⁹ П; К волкомъ. ¹⁰ П; К помняшетъ. ¹¹ П; К рѣчь. ¹² П; К первыхъ. ¹³ П і; К 10-ть. ¹⁴ П; К соколовъ. ¹⁵ П; К лебедей. ¹⁶ П К который. ¹⁷ П пѣсь, К пѣснѣ. ¹⁸ К; П Яро-
слову. ¹⁹ П; К полкы. ²⁰ П; К косожьскими. ²¹ П і; К 10-ть. ²² П; К соколовъ. ²³ П; К лебедей. ²⁴ П; К умъ. ²⁵ П; К наполнился. ²⁶ П; К полкы. ²⁷ П; К половецкую ²⁸ П; К бързыя. ²⁹ К; П спала. ³⁰ П; К умъ. ³¹ П; К Половецкого. ³² П; К старого. ³³ П; К полкы. ³⁴ П; К умо^м. ³⁵ П пѣсь, К пѣснѣ. ³⁶ П того (Олга), К того (Ольга); *возможно — в рукописи глосса.* ³⁷ П; К велесовъ. ³⁸ П; К речь. ³⁹ П; К оди^н. ⁴⁰ П; К бързын. ⁴¹ П К къ мети. ⁴² К; П възделѣяны. ⁴³ П; К имъ. ⁴⁴ П; К имъ. ⁴⁵ П; К изострени. ⁴⁶ П; К скачють. ⁴⁷ П; К вълци. ⁴⁸ П; К себѣ. ⁴⁹ П; К вступи. ⁵⁰ П; К тмою. ⁵¹ П въ стазби; К слова свистъ звѣринъ въ стазби *отсутствуют.* ⁵² П; К кличетъ. ⁵³ П К влѣзѣ. ⁵⁴ П К по морню. ⁵⁵ П К по Сулию. ⁵⁶ П; К Тьму-

тороканьский. 57 П; К телъгы. 58 П; К полунощи
59 П; К пасеть. 60 П К подобно. 61 П; К волци.
62 П; К въсрожать. 63 П; К яругамъ. 64 П; К чрле-
ныя. 65 П; К Шоломянемъ, 66 П; К долго. 67 К; П
мркнеть. 68 П; К мыгла. 69 П; К чрълеными. 70 П
пягкъ. К пяхъ. 71 П; К полкы. 72 П; К рассушасъ.
73 П; К орътмами. 74 П; К начаша. 75 П; К поло-
вецкыми. 76 П; К чрълень. 77 П; К чръвлена. 78 К;
П Святъславличю. 79 П; К Дремлетъ. 80 П; К Ол-
гово. 81 П; К залътъло. 82 П небылонъ, К не было
нъ. 83 П; К черный. 84 П; К бекить. 85 П; К вол-
комъ. 86 П; К повѣдают. 87 П; К черныя. 88 П; К
туча. 89 П; К идуть. 90 П; К хотять. 91 К; П д.
92 П; К трепешут. 93 П; К молнии. 94 П; К вели-
кого. 95 П; К потручати. 96 П; К великого. 97 П;
К земле. 98 П К не. 99 П; К стрелами. 100 П; К
полки. 101 П; К текутъ. 102 П; К прикрывають.
103 П; К полки. 104 П К отступиша. 105 П; К чръвле-
ными. 106 П; К Всеволоде. 107 П; К стрелами. 108 П;
К поскачаше. 109 П; К златымъ. 110 П; К шеломом.
111 П; К лежать. 112 П; К забывь. 113 П; К Черни-
гова. 114 П; К Зояни. 115 П; К полци. 116 П; К Олга.
117 П; К Святъславлича. 118 П; К Той. 119 П; К ме-
чемъ. 120 П; К стрелы. 121 П; К Тмутороканъ.
122 П К Тоже. 123 П К Ярослав сынъ Всеволодычъ.
а Владимиръ. 124 П; К Святополкъ. 125 П К пове-
лѣя. 126 П иноходцы. К иноходцы. 127 П; К погы-
башеть. 128 П; К человѣкомъ. 129 П; К полѣтѣти.
130 П; К полкы. 131 П К сиче и. 132 П; К летять.
133 П; К стрелы. 134 П; К гримлють. 135 П; К тре-
щать. 136 П; К черна. 137 П давеча, К давеча. 138 П;

К полкы. 139 П; К заворочаетъ. 140 П; К бишась.
141 П К вступилъ. 142 П; К крылы. 143 П; К синѣмъ.
144 П; К морѣ. 145 П К убуди. 146 П; К княземъ.
147 П; К начаша. 148 П; К молвити. 149 П; К себе.
150 П; К храброго. 151 П; К полку. 152 П; К кресити.
153 П; К нимъ. 154 К; П *нет* людемъ. 155 П; К ру-
ския. 156 П; К намъ. 157 П; К очима. 158 П; К Чер-
ниговъ. 159 П; К утече. 160 П; К средѣ. 161 К; П
Руский. 162 П; К Святъславличя. 163 П К убуди.
166 П; К отецъ. 167 П; К грозный. 168 П; К выли-
кий. 169 П; К Киевский. 170 П К притрепеталъ.
171 П; К сильными. 172 П; К полкы. 173 П; К взмуты.
174 К; П рѣки. 175 К; П потоки. 176 П; К поганого.
177 П; К желѣзныхъ. 178 К; П великихъ. 179 П; К
полковъ. 180 К; П половецкихъ. 181 П; К кають.
182 К; П половецкия. 183 П; К высѣде. 184 П; К
Святъславъ. 185 П; К со^ч. 186 П; К виде. 187 П одѣ-
вахъте, К одѣвахъ те. 188 П; К черною. 189 П; К кро-
вати. 190 П; К трудо^м. 191 П; К тлъковинъ. 192 П;
К нѣгують. 193 П; К уждь скъ. 194 П; К въ. 195 П;
К златовръ семъ. 196 П босуви, К бо-суви. 197 П;
К Плъньска. 198 П К дбрь Кисаню. 199 П К не
сошлю. 200 П; К слетѣста. 201 П; К Тмуторокана.
202 П; К крилца. 203 П; К самого. 204 К; П опустоша.
205 П г; К 3-й. 206 П; К померкоста. 207 П К нимъ.
208 П; К тмою. 209 П К подастъ. 210 П К слова и
въ морѣ. . . хинови *стоят между словами* гнѣздо
и уже снесся. 211 П; К аки. 212 П К врѣжеса. 213 П;
К дивъ. 214 К; П готския. 215 П; К поють. 216 П; К
веселиа. 217 К; П великий. 218 К; П Святславъ.
219 П К *нет* с. 220 П; К сыновча. 221 П; К прольасте.

222 П; К жестоцѣмъ. 223 П К многовои. 224 П; К шельбиры. 225 П; К олбѣры. 226 П; К бесъ. 227 П; К щитовъ. 228 П; К полкы. 229 П; К побѣждаютъ. 230 П му жа имѣся, К мужа имѣ ся. 231 П; К похытимъ. 232 П К ся. 233 П; К подѣлимъ. 234 П; К мытѣхъ. 235 П; К бываетъ. 236 П; К птиць. 237 П; К възбиваетъ. 238 П; К дасть. 239 П Уримъ, К ури^м. 240 П; К рокропнати. 241 П; К — *нет*. 242 П; К стреляти. 243 П К вон *нет*. 244 П; К рыкають. 245 К; П аки. 246 П; К гна. 247 П; К зане. 248 К; П Русскую. 249 К; П Святславлича. 250 П; К Осмомысле. 251 П; К златоконанемъ. 252 П; К угорьскыи. 253 П; К полки. 254 К; П затвори въ. 255 П К времени. 256 К; П облаки. 257 П; К текутъ. 258 К; П отворяеши. 259 П; К стреляеши. 260 К; П Салтани. 261 П; К Стреляй. 262 К; П Святславлича. 263 П; К носить. 264 П К вась. 265 П; К умь. 266 П; К вѣтрѣхъ. 267 П; К желѣзнии. 268 П К папорзи. 269 К; П латинскими. 270 К; П многи. 271 К; П поврѣгоща. 272 П К поклониша. 273 К; П утрѣ. 274 П; К бологомъ. 275 П Рси; К Роси. 276 П; К полку. 277 П; К кресити. 278 П; К кличь. 279 П; К зоветь. 280 П; К Ингварь. 281 П; К Мстиславличи. 282 П не худа, К нехудѣ. 283 П; К шестокрыльци. 284 К; П ляцкии. 285 П; К стрелами. 286 К; П Русскую. 287 П; К течеть. 288 П; К болотомъ. 289 П; К полочяномъ. 290 П; К Васильковъ. 291 К; П литовскня. 292 П К и схоти ю на кровать и. 293 П; К звери. 294 П бысь, К бы. 295 П; К Брячаслава. 296 П; К жемчужну. 297 П; К чрезъ. 298 К; П Унылы. 299 П; К голосы. 300 П К Ярославле и вси вьуце Всеслави! 301 П К понизить. 302 П К

вонзить. 303 П; К начасте. 304 П К Которое. 305 П; К седмомъ. 306 П; К Зояни. 307 П; К ть. 308 К; П киевскаго. 309 П; К отныхъ. 310 П; К звере^м. 311 П; К полночи. 312 П; К сине. 313 П К утръ же. 314 П возни, К вазнистри кусы. 315 К; П отвори. 316 П; К Раз шибѣ. 317 П; К волкомъ. 318 П; К стелють. 319 П; К халужными. 320 П; К животь. 321 П; К кладуть. 322 П; К сыновъ. 323 П; К радяше. 324 П; К волкомъ. 325 П; К ись. 326 П; К волкомъ. 327 К; П Полотскѣ. 328 П К друзѣ. 329 П; К первое. 330 П; К первую. 331 П; К первых. 332 П не льзѣ, К нелзѣ. 333 К; П киевскимъ. 334 П; К Давидови. 335 П К нъ рози нося. 336 П; К пашуть. 337 П; К Ярославнымъ. 338 П К ся *нет*. 339 П; К слышитъ. 340 П К незнаемъ. 341 П; К плачь. 342 П; К къ. 343 П; К вѣгре. 344 П; К гнѣ. 345 П; К бяшеть. 346 П К горъ. 347 П; К дне пресловутицю. 348 П К носады. 349 П; К полку. 350 П; К морѣ. 351 П; К на морѣ. 352 П; К плачь. 353 П К къ. 354 П; К Солнце. 355 П; К всемъ. 356 П; К гнѣ. 357 П; К идуть. 358 П К зари. 359 П; К спить. 360 П; К бдить. 361 П; К мѣрить. 362 П; К великого. 363 П; К по скачи. 364 П; К горностаемъ. 365 П; К вѣвержесе. 366 П; К борзъ. 367 П босымъ, К босы^м. 368 П; К волкомъ. 369 П; К мглами. 370 П; К сокол(ом?). 371 П; К волкомъ. 372 П; К борзая. 373 П; К Донецъ. 374 П; К волнахъ. 375 П; К зелену. 376 П; К свои^х. 377 П; К мглами. 378 П К е. 379 П; К вѣтрѣхъ. 380 П К ли. 381 П К ростре на кусту. 382 К; П Ростислава. 383 П прѣклонило, К преклонило. 384 П; К ѣздить. 385 П; К помолкоша. 386 П К полозию. 387 К; П ползоша. 388 П; К толко. 389 П; К ка-

жуть. 390 К; П пѣсьми. 391 П; К молвить. 392 П; К
летит. 393 П; К стрелами. 394 П; К Речь. 395 П; К
летить. 396 П; К дѣвицею. 397 П; К рекъ. 398 П К
ходы на. 399 К; П пѣстворца. 400 П; К небесе. 401 П;
К чресь. 402 П; К княземь. 403 П; К молоды(м?).
404 П Святъславлича, К Святъславличь. 405 П Все-
володѣ, К Всеволоде. 406 П; К Игоревичь. 407 П;
К христьяны. 408 П; К полки.

**ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
„СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ“**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Проблема прозаического перевода „Слова о полку Игореве“ на современный русский язык коренным образом изменилась после выхода основополагающих работ И. В. Сталина по языкознанию. Она стала на единственно правильный путь, и многие из разногласий о том, каким должен быть прозаический научный перевод „Слова“, отошли в прошлое.

Переводы древнерусских литературных произведений на современный русский язык решительно отличаются от переводов с иностранных языков. В переводах с древнерусского языка — предшественника современного русского языка — следует учитывать то обстоятельство, что словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения, тогда как основной словарный фонд и грамматический строй языка, составляющие его основу, живут веками. Поэтому было бы неправомерно в прозаическом научном переводе выискивать малоупотребительные, второстепенные значения слов, вводить в лексику перевода диалектизмы, редкие, искусственно придуманные слова и выражения. В переводе „Слова“ следует стремиться к максимальной точности, бли-

зости языка перевода языку подлинника; следует учитывать, что „развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка“.1 Следовательно, в научных переводах необходимо учитывать сохранение в русском языке основного словарного фонда и грамматического строя, а также те изменения, которые происходили в основном словарном фонде. Наибольшая близость к оригиналу, основанная на научном изучении языка „Слова о полку Игореве“, исторической действительности XII века и самого „Слова“ как литературного памятника, — таков тот принцип, на котором должен строиться научный перевод „Слова“.

1 И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат. 1951. Стр. 27.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоря, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта, следуя былям сего времени, а не по замыслению Бояна. Ибо Боян вещий, если кому хотел песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Вспоминал, говорят, он первых времен усобицы. Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: который догонял какую, та первой и села песнь — старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, красному Роману Святославичу. То Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои вещи персты на живые струны воскладал; они же сами князем славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который препоясал ум крепостью своею и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, на-

вел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел воинов своих, тьмою от него прикрытых. И сказал Игорь дружине своей: „Братья и дружина! Лучше ведь убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на свои брзые кони, да посмотрим на синий Дон“. Ум склонился князя перед желанием, и охота отведать Дон великий заслонила ему знамение. „Хочу, — сказал, — копье преломить в начале поля Половецкого; с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить, а либо шлемом испить Дону“.

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы те воспел, скача, соловей, по мысленному дереву, летая умом под облаками, свивая славы обеих половин сего времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Пришлось бы внуку того воспеть песнь Игорю: „Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок бегут к Дону великому“. Или так бы начать петь, вещий Боян, внук Велеса: „Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле“.

Игорь ждет мила брата Всеволода. И сказал ему буй тур Всеволод: „Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи. Седлай же, брат мой, своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска еще раньше. А мои-то курыне — опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, концом копыя вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них

натянуты, колчаны отворены, сабли избрены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы“.

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступало; ночь, стонуши ему грозою, птиц пробудила; свист звериный встал, взбился див — кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неизвестной, Волге, и Поморью, и Посулью, и Суружу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол! А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому; кричат телеги их в полночи, словно лебеди распущенные: „Игорь к Дону воинов ведет!“

Уже ведь беды его пасут птиц по дубам; волки грозу поднимают по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты. О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет уронила, мгла поля покрыла. Щекот соловьиный уснул, говор галок пробудился. Русичи великие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и по топким местам, и всякими драгоценностями половецкими. Червленный стяг, белая хоругвь, червлена челка, серебряно древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчина! Гзак бежит серым волком, а Коичак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотя прикрыть четыре солнца, а в них трещат синие молнии. Быть грому великому! Пойти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям изломиться, тут саблям побиться о шлемы половецкие на реке на Каяле, у Дона великого! О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в самом бою, прищедь на волнов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными! Куда ты, тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Оплакал и он (Всеволод) раны, дорогаю братья, забыв честь и богатство, и города Чернигова отцов золотой стол, и своей милой желанной, прекрасной Глебовны, свычан и обычан.

Были века Трояна, минули годы Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича. Тот

ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Ступает в золотое стремя в городе Тмуторокане, тот же звон уже слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и на Каяле зеленую паполому постлала, за обиду Олегову, храброму и молодому князю. С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука; в княжих крамолах жизни людские сокращались. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями была засеяна, а кровью полита: горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит, что мне звенит далеке рано перед збрями? Игорь полки возвращает, ибо жаль ему мила брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина не достало,

тут пир окончили храбрые русичи: сватов попили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселая година настала, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войсках Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Трояню, восплескала лебединными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату: „Это мое и то мое же“. И стали князи про малое „это великое“ говорить, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех стран приходили с победами на землю Русскую.

О, далече залетел сокол, птиц избивая, — к морю! Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле, размыкая огонь в пламенном роге. Жены русские восплакались, приговаривая: „Уже нам своих милых, любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра совсем не потрогать“.

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла среди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые, с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке со двора.

Ибо те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство пробудили, которое усыпил было отец их, Святослав грозный великий

Киевский, грозою: прибил своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка от лукоморья, из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг; и пал Кобяк в городе Киеве в гриднице Святославовой. Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поут славу Святославу, оплакивают князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы, реки половецкой, насыпавшего русского золота. Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого в седло рабское. Приуныли у городов забрали, и веселие поникло.

А Святослав мутный сон видел в Киеве на горах. „Этой ночью с вечера одевали меня,— говорит,— черным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесеньска, в предградьи стоял киевский лес, и понеслись они (вороны) к синему морю“.

И сказали бояре князю: „Уже, князь, горе ум полонило; это ведь два сокола слетели с отчего престола золотого добыть города Тмутороканя либо испить шлемом из Дона. Уже соколам крыльница подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины железные.“

Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столба погасли, и с ними

два молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили в хиновах. На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов. Уже пал позор на славу; уже ударило насилие на свободу; уже бросился див на землю. И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают время Боза, лелеют месть за Шарукана. А мы уже, дружина, без веселья!"

Тогда великий Святослав изронил злато слово, со слезами смешанное, и сказал: „О мои дети, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать. Но нечестно вы одолели, нечестно ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в смелости закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине? Не вижу уже у власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольбеирами. Те ведь без щитов, с засапожными ножами кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: „Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим!“ Разве же дивно, братья, старому помолодеть? Коли сокол линияет, высоко птиц он взбивает: не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не в помощь: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями

половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!"

Великий князь Всеволод! Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека отчий золотой стол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить! Если бы ты был здесь, то был бы ребенок по ногате, а раб по резани. Ты ведь можешь посуху живыми копиями стрелять, удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давид! Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотые стрмена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер горы венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча тяжести через облака, суды ридя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отчего золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг, в отваге точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Есть ведь у вас железные панцыри под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие

страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела — и половцы копыя свои повергли, а головы свои подклонили под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь, померк солнца свет; а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, поспели на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича, не худого гнезда соколы! Не по праву побед расхитили вы себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копыя польские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червленными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами на кровь со своим любимцем, а тот и сказал: „Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали“. Не было тут брата Брючислава, ни другого, Всеволода: в одиночестве изронил он жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеслава! Уже скло-

ните стяги свои, вложите (в ножны) свои мечи поврежденные, ибо уже лишились вы славы дедов. Ибо вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице, ему милой. Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой; поутру же вонзил секиры, — отворил ворота Новгородца, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов.

Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерывал. Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа у него в храбром теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян давно припевку, разумный, сказал: „Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать“.

О, стонать Русской земле, помянув первые времена и первых князей! Того старого Влади-

мира нельзя было пригвоздить к горам киевским: вот ведь и теперь встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь у них полотнища развеваются. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкою безвестною рано кукует: „Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем его теле“.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: „О ветер-ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелки на своих легких крыльцах на воинов моего милого? Разве мало тебе было высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?“

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: „О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы насады до стана Кобякова. Прилелей же, господин, моего милого ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано“.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: „Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и красно. Зачем, господин, простерло ты горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло?“

Прыснуло море в полночи, идут смерчи облаками. Игорю князю бог путь указывает из земли

Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур свистнул за рекою; велит князю разуть: князю Игорю не оставаться! Кликнул — застучала земля, восшумела трава, вежи половецкие задвигались. А Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеде, и ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит: „О князь Игорь! Немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!“

Игорь говорит: „О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, ставшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его гоголем на воде, чайками — на струях, чернядами — на ветрах“.

Не такова-то, говорит он, река Стугна; скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и ладьи, расширенная к устью, юношу князя Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали: по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, полозы ползали только. Дятлы стуком указывают путь к реке, да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку: „Если сокол к гнезду летит, — соколенка расстреляем своими золочеными стрелами“.

Говорит Кончак Гзаку: „Если сокол к гнезду летит, — а мы опутаем соколенка красною девицею“.

И сказал Гзак Кончаку: „Если его опутаем красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком“.

Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярослава, Олега князя любимцы: „Тяжко голове без плеч, беда телу без головы“, — так и Русской земле без Игоря.

„Солнце светится на небе, Игорь князь в Русской земле“; девицы поют на Дунае, — вьются голоса их через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогошей. Села рады, города веселы.

Певши песнь старым князьям, потом и молодым петь:

„Слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!“

Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

От переводов „Слова“ следует отличать его поэтические стихотворные переложения. Поэтические переложения ставят своей целью не столько перевод „Слова“ с древнерусского языка на современный, сколько „перевод“ самой поэтической системы „Слова“ — переложение „Слова“ на поэтический язык современности. Современная система русского стихосложения складывалась постепенно. В XII веке ее еще не было. Поэтому, хотя „Слово“ — произведение поэтическое, но не стихотворное в нашем понимании, историю русской поэзии следует начинать со „Слова“. „Слово“ ритмично. Совершенно ясно, что ритмическая структура „Слова“ коренным образом отличается от исторически сложившейся стихотворной системы XIX—XX вв. Поэтому в стихотворном переводе не может быть и речи о том, чтобы соблюсти только языковой перевод, сохранив полностью ритмику памятника. Ритм древнерусской речи не может быть передан современными стихами. Было бы исторически незаконно пытаться переносить в современный язык древнерусскую ритмику. Следовательно, если мы имеем дело со стихотворным „переводом“ „Слова“,

то должны иметь в виду, что „перевод“ этот одновременно является попыткой переложить „Слово“ с одной стихотворной системы на другую. Вот почему, по существу, закономерны и внутренне правдивы попытки переложить „Слово“ то классическим русским стихом, то размером былины, то в стиле русской народной песни или украинской думы. Каждый ищет в „Слове“ то, что ему ближе, дороже, и славит „Слово“ на том поэтическом языке, который кажется ему самым выразительным. В этих стихотворных переложениях „Слово“ становится фактом поэтической культуры нового времени. В них мы видим отражение того особого положения, которое заняло „Слово“ в сознании всех советских читателей.

Несколько слов о каждом из помещаемых ниже поэтических переложений „Слова“. Из старых поэтических переложений XIX века мы даем лучшие — переложения В. А. Жуковского и А. Н. Майкова. Переложение Н. А. Заболоцкого ближе всего отвечает задаче именно переложения одной поэтической системы на другую и меньше всех остальных претендует на точность. Это переложение, в котором сильнее всего дает себя чувствовать лирическая стихия „Слова“. Переложение В. И. Стеллецкого стремится к наибольшей научной точности. Впервые печатаемое в нашем издании переложение Л. И. Тимофеева стремится соединить поэтичность с точностью и доступностью. В нем опущены темные места и мифологизмы, введены повторы, восстанавливающие ритмичность предположительной устной

первоосновы „Слова“. Переложение А. Югова, несмотря на спорность многих толкований „Слова“, пронизано стремлением понять „Слово“ как „позму-ораторию“ (пользуюсь термином А. Югова) и хорошо отвечает задаче декламационного исполнения „Слова“ актером-чтецом.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Естьли песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетел, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не 10 соколов на стадо лебедей
пускал,
Он вещи персты свои на живые струны
вскладывал,

И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
„Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дасться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней,
Да посмотрим синего Дона“.
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
„Хочу, — он рек, — преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шедомом Дона“.
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мыслену древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропую Троянковой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, ввук Велесов!

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
„Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концем копыя вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скажут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы“.
Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Ведит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутараканский!

И половцы неготовыми дорогами побежали
к Дону великому:
Кричат в полночь телеги, словно распущенны
лебеди.

Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клекот орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами
огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые
полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных
дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие
оксамиты;
Ортмами, спончицами, и мехами, и разными
узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты
мостить.
А стяг червленый с белой хоругвию,
А чолка червленая со древком серебряным
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону
великому.
И рано на другой день кровавые зори свет
поведают;

Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломах половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Праги поля покрывают,
Стяги глаголют;
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех
стран.

Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым
посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле
родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании,
свычае и обычае?

Были сечи Трояновы,
Миновали лета Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крामолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в золотое стремя в граде Тьмутаракани.
Молву об нем слышал давний великий Ярослав,
сын Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал
в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца
своего
Меж угорскою конницей ко святой Софии в Киев.

Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и
вырастало междуусобие,
Погибала жизнь Дажь-божних внуков,
В крамолах княжеских век человеческий
сокращался.

Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкие.
Черна-земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.

Тут разлучились братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир докончали храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.
Уже невеселое время, братья, настало;
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажь-божних внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновались брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы про
великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами
на землю Русскую!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не
воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля, и по
Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
„Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,

Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!«
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилася по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались в землю
Русскую,

Дань собирали по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и Венеды,
Греки и Моравы
Славу поют Святославоу,
Кают Игоря князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки
половецкия,

Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь князь из золотого седла пересел в седло
кощеево;

Уныли в градах забрали,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
„В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, — рек он, — черным покровом на
кровати тесовой;

Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.

А кровля без князя была на тереме моем
златоверхом.

И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри
Кисановой... .

Уж не послать ли мне к синему морю?“
И бояре князю в ответ рекли:
„Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола
отцовского,

Поискать города Тьмутараканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями
подрублены,

Сами ж запутаны в железных опутинах“.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав.

Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по
Русской земле

И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают мечь Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий слово златое,
с слезами смешанное:
„О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестьем пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седиве!
Уже не вижу могущества моего сильного,
богатого, многовойного брата Ярослава,
С его Черниговскими племенами,
С Монгутами, Татринами и Шельбирами,
С Топчаками, Ревутами и Ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными,
Кликом полки побеждали,

Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: „Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!“
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученой
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча отцовский
златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шелома в крови
плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены,
в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,

Высоко ты сидишь на престоле своем
златокованном!

Подпер угорские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облака мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с золотого престола
отцовска через далекие земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея,
за Русскую землю,

За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные
панцыри!

Дрогнули ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И Половцы, копьа свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой
утратило,

И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Дон тебя, князя, кличет,

Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три
Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы
похитили?

На что вам золотые ваши шеломы,
Ваши польские копьа, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого
Святославича!

Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Повзвел своими острыми мечами о шлемы
литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червленными щитами на кровавой
траве

Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!
Не было тут брата Брючислава, ни другого —
Всеволода.

Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через золотое ожерелье!

Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслави,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи
поврежденные!

Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
Бывало нам прежде какое насилие от земли
Половецкие!

На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком коня до золотого престола
Киевского.

Лютым зверем в полночь поскакал он из
Белграда,

Синею мглою обвешенный,
Поутру же, стрикузы водрузивши, раздвинул
врата Новугороду,

Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,

Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До пегухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь
перерыскивал.

Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святые Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещей Боян древней припевкой предрек:
„Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птичью горазд,
А божьего суда не минуешь!“
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить
к горам киевским!

Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волю ныне землю пашут.
А копы поют на Дунае*.
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой
чечоткою кличет.

„Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем
теле его*“.

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:

„О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?“

Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова, — примолвил он, — Стugna река:
Худая про нее слава!

Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле приклонило*.
Не сороки застрекотали:
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползли,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
„Естьли сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злече-
ными!“

Гзак в ответ Кончаку:

„Естьли сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!“
И сказал опять Гзак Кончаку:
„Естьли опутаем красною девицей,

То соколенка не будет у нас,
Не будет и красные девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!*
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Олгова, супруга
дщери Когановой:

„Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!“
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе, —
Игорь князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой Богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в гrome дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятком.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу.

И взлетала лебедь в облака
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Реледю заколол
Перед всей косяжскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замысленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострой,
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;

Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славою
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
„То не буря соколов несет
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!“
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
„За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!“

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила-брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: — Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копыя вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шелома позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

Но взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела-дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: — Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней,
Да посмотрим синего мы Дону! —
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,

И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
— Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!

4

Игорь-князь во злат-стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Годосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,

Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червлёный брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груды аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,

Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело храброе далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.

112

Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожки вылетели вюки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед бсом —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.

И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат-стремень вступал в Тмуторокани.
В злат-стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен-саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,

114

Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславицем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как враг,
Внук Дажь-бога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

115

Что там шумит,
 Что там звенит
 Далеко во мгле, перед зарею?
 Игорь, весь израненный, спешит
 Беглецов вернуть обратно к бою.
 Не удержишь вражескую рать!
 Жалко брата Игорю терять.
 Бились день, рубились день, другой,
 В третий день к полудню стяги пали,
 И расстался с братом брат родной
 На реке кровавой, на Каяле.
 Недостало русичам вина,
 Славный пир дружины завершили —
 Напоили сватов допьяна,
 Да и сами головы сложили.
 Степь поникла, жалости полна,
 И деревья ветви приклонили.

И настала тяжкая година,
 Поглотила русичей чужбина,
 Поднялась Обида от курганов
 И вступила девой в край Троянов.
 Крыльями лебяжьими всплеснула,
 Дон и море оглашая криком,
 Времена довольства пошатнула,
 Возвестив о бедствии великом.
 А князя дружин не собирают,
 Не идут войной на супостата,

Малое великим называют
 И куют крамолу брат на брата.
 А враги на Русь несутся тучей,
 И повсюду бедствие и горе.
 Далеко ты, сокол наш могучий,
 Птиц бия, ушел на сине-море!

Не воскреснуть Игоря дружине,
 Не подняться после грозной сечи!
 И явилась Карна и в кручине
 Смертный вопль исторгла, и далече
 Заметалась Желя по дорогам,
 Потрясая искрометным рогом.
 И от края, братья, и до края
 Пали жены русские, рыдая:
 — Уж не видеть милых лад нам боле!
 Кто разбудит их на ратном поле?
 Их теперь нам мыслию не смыслить,
 Их теперь нам думою не сдумать,
 И не жить нам в тереме богатом,
 Не звенеть нам серебром да золотом!

Стонет, братья, Киев над горою,
 Тяжела Чернигову напасть,
 И печаль обильною рекою
 По селеньям русским разлилась.
 И нависли половцы над нами,
 Дань берут по белке со двора,

И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, и упал — собака —
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и моравы
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.

И смеется гость земли немецкой,
Что когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кашеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далеко, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
— С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Серый ворон в Плесенске кричал
И летел, шума, на сине-море.

И бояре князю отвечали:
 — Смутен ум твой, княже, от печали.
 Не твои ли два любимых чада
 Поднялись над полем незнакомым —
 Поискать Тмуторокани-града
 Либо Дону зачерпнуть шеломом?
 Да напрасны были их усилья.
 Посмеявшись на твои седины,
 Подрубили половцы им крылья,
 А самих опутали в путины.

В третий день окончилась борьба
 На реке кровавой, на Каяле,
 И погасли в небе два столба,
 Два светила в сумраке пропали.
 Вместе с ними, за море упав,
 Два прекрасных месяца затмились —
 Молодой Олег и Святослав
 В темноту ночную погрузились.
 И закрылось небо, и погас
 Белый свет над Русскою землею,
 И, как барсы лютые, на нас
 Кинулись поганые с войною.
 И воздвиглась на Хвалу Хула,
 И на волю вырвалось Насилье,
 Прянул Див на землю, и была
 Ночь кругом и гора изобилье.

Девы готские у края
 Моря синего живут.
 Русским золотом играя,
 Время Бусово поют.
 Мечь лелеют Шаруканью,
 Нет конца их ликованью...
 Нас же, братия-дружина,
 Только беды стерегут.

И тогда великий Святослав
 Изронил свое золотое слово,
 Со слезами смешано, сказав:
 — О сыны, не ждал я зла такого!
 Загубили юность вы свою,
 На врага не во-время напали,
 Не с великой честью в бою
 Вражью кровь на землю проливали.
 Ваше сердце в кованой броне
 Закалилось в буйстве самочинном.
 Что ж вы, дети, натворили мне
 И моим серебряным сединам?
 Где мой брат, мой грозный Ярослав,
 Где его черниговские слуги,
 Где татраны, жители дубрав,
 Топчаки, ольберы и ревуги?
 А ведь было время — без щитов,
 Выхватив ножи из голенища,
 Шли они на полчища врагов,
 Чтоб отмстить за наши пепелища.

Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
„Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую“.
Диво ль старцу — мне — помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовым кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой,—
Горе князю в сече боевой!

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук,—
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй-Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломя?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат-стремень
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В Киевские входишь ты пределы,

И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй-Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копьа, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.

По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.

И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червлёный, простонав:
— Твою дружину, княже, приделали
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог.—
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав

Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашёл
И примчался к древнему престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,

Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке бывало
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещь душа,
Все ж страдания князя одолели,
И погиб он, местню дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
„Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда“.

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Брозь поют их копия и блещут.

128

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
— Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь.
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка кличет на юру:
— Что ты, ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
— Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возледей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка кличет на юру:
— Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.

Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
— Выходи, князь Игорь! — И едва
Смолок Овлур, как от ночного гула
Вздрыгнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь,
И поплыл как гоголь по волне,
Полетел как ветер на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур как серый волк бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

Уж не каркнет ворон в поле,
 Уж не крикнет галка там,
 Не трещат сороки боле,
 Только скачут по кустам.
 Дятлы, Игоря встречая,
 Стуком кажут путь к реке.
 И, рассвет веселый возвещая,
 Соловьи ликуют вдалеке.

И, на волнах витязя лелея,
 Рек Донец: — Велик ты, Игорь-князь!
 Русским землям ты принес веселье,
 Из неволи к дому возвратись.
 — О река! — ответил князь. — Немало
 И тебе величья! В час ночной
 Ты на волнах Игоря качала,
 Берег свой серебряный устлала
 Для него зеленою травой.
 И когда дремал он под листвою,
 Где царила сумрачная мгла,
 Страж ему был гоголь над водою,
 Чайка князя в небе стерегла.

А не всем рекам такая слава.
 Вот Стugna, худой имея нрав,
 Разлилась близ устья величаво,
 Все ручьи соседние пожрав,

И закрыла Днепр от Ростислава,
 И погиб в пучине Ростислав.
 Плачет мать над темною рекою,
 Кличет сына-юношу во мгле,
 И цветы поникли, и с тоскою
 Приклонилось дерево к земле.

Не сороки во поле стрекочут,
 Не вороны кличут у Донца —
 Кони половецкие топочут,
 Гзак с Кончаком ищут беглеца.
 И сказал Кончаку старый Гзак:
 — Если сокол улетает в терем,
 Соколенок попадет впросак —
 Золотой стрелой его подстрелим. —
 И тогда сказал ему Кончак:
 — Если сокол к терему стремится,
 Соколенок попадет впросак —
 Мы его опутаем девицей.
 — Коль его опутаем девицей, —
 Отвечал Кончаку старый Гзак, —
 Он с девицей в терем свой умчится,
 И начнет нас бить любая птица
 В половецком поле, хан Кончак!

И изрек Боян, чем кончить речь
 Песнотворцу князя Святослава:
 — Тяжко, братья, голове без плеч,

Горько телу, коль оно безглаво.—
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князьям, и дружине слава!

А. Н. Майков

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел, ширяя под облаками!
Как вспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —
Песню пой о старом Ярославле,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было:
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружины
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И возрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно уголь горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
„Не добра ждать“, — говорят в дружине.
Старики поникли головами:
„Быть убитым нам или плененным!“
Князь же Игорь: „Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем пленену!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!“
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалась взглянуть на Дон великий!
„Преломить копьё свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, Русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!“

О Боян, о вещей песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на
горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
„Игорь, брат, един ты свет мой
светлый!
Святослави мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои Куряне ль не смыслены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,

Остры сабли крепко отточёны,
Сами скачут словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..“

И вступил князь Игорь во злат
стремень,

И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшись по дереву,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю неизвестную землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отсюда
От телег их скрип пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чувят птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы, своим зловещим клетком,
По степям зверье зовут на кости...
А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было; спозаранья,
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аksamиту, паволок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Все дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой чёлкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон Половчанин...“

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день, полосой кровавой,
Повещают день кровавый зори...

Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы Половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслись,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помutilись, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят —
И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадьа
Понеслись с гиканьем и криком;
Молча Русь, отпор кругом готова,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! стоишь ты
Впереди с Курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражбх воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —

Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утети,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич,
За его ж, за Ольгову, обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;

Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратан за плугом
На Руси покрякивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломаются булатны
Среди неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Чтó шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...

Уж у храбрых Русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожьа внука сила,
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

„От усобиц княжих — гибель Руси!
Братья спорят: тó мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихне!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...

С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись Половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!

Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст золотое слово,
Горючьими слезами облитое:

„Детки, детки, Всеволод мой,
Игорь!

Сыновцы мои вы дорогие!
Не в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютым,
Во отваге буйной закалёны!

Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его Могуты и Татраны,
Топчаки, Ревуги и Ольберы,
Те — с ножами, без щитов, лишь
кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами ододем!
Всю сорвем, что в будущем есть,
славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помощи!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалека поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да Половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по резани пошел бы!

Ведь стрелять и посуху ты можешь —
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычаг по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещей, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпья горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за земли в
салтанов!..

Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгромай Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремится ваш ум на подвиг!
Ты могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатой сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, Половцы с Литвою
И Ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси, Суле враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вяли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: „Вороньими крылами
Придел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!“
И один, без брата Брючислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил, один, из храбра тела,
Сквозь свое золотое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы!..

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной

Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копья добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая..
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепями молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Все своими, русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит бывало
К петухам в Тмурокань поспеет,
Хорсу путь его перебега!
Да! ему заутреню бывало
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал!
А хотя и с вещью душою
Был, великий, в богатырском теле,
Все ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
Будь хитер-горазд, летай хоть птицей —
Все суда ты божьего не минешь!

Ох, стонать земле великой
Русской,
Про князей вспоминая давних,
Вспоминая прежде их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздिति
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копыя петь пошли по рекам!“

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
„По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бибри рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его могучем теле!..“

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

„Ветр-ветрило! что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...“

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

„Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой,
Славутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырм зорям на синем море!..“

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

„Светлое, тресветлое ты Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...“

Синем море прыснуло к полночи.
Иглою встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
„Выходи, князь Игорь, из полоня“.

Ветер воеет, проносясь по степи,
И шатает вежи половицки:
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая.
Ужь лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тѣктом путь к реке казуют,
Соловьи свист зори повещает...

Говорит Донец: „Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светлѣ веселья!“

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,

Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побережье,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой;
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стugna, о Донче, не такая!
Как пожрет-попыет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется!..
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережье,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...“

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоно.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
„Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж млада соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми.“

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
„Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей“.

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
„Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,

Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком*.

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
„Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной*.
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели;
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают:
Перво — старших, а за ними — младших.
Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур-свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князья и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.

В. И. Стеллецкий

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пора ли нам было б, братья,
начать старыми словами повесть ратную
о походе Игоревом, Игоря Святославича?
Начаться же той песне по былям нашего времени,
а не по замыслению Боянову.
Боян же вещей, коли хотел кому песнь творить,
растекался мыслню по древу,
серым волком по-земе,
сизым орлом в подоблачьи:
помнил он, молвят, прежних времен усобицы.
Тогда пускал он десять соколов на стадо лебедей;
которую сокол настигал,
та первая песню запевала
старому Ярославу, храброму Мстиславу,
что зарезал Редюю пред полками касожскими,
удалому Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов пускал
на стадо лебединое,
но свои вещие персты возлагал на живые струны,
и сами князьям они славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть сию
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и заострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки на землю Поло-
вецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.
И сказал Игорь дружине своей:

„Братья и дружина,
лучше убитым быть,
чем полоненным быть:
сядем же на коней своих борзых,
поглядим, братья, синего Дона“.
Ратный пыл овладел умом князя,
и жажда изведать Дона великого
знамение ему заслонила.

„Хочу,— молвил,— копье преломить край
поля Половецкого:
с вами, русичи, хочу сложить свою голову,
либо испить шоломом Дона!“

О, Боян, соловей старого времени,
кабы ты эти полки воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаком,
свивая славу по обе строны сего времени!
Рыща тропой Троянвой чрез поля на горы,
так бы петь песнь Игорю, Велесову внуку:

„Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
галки стадами бегут к Дону великому!“
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
„Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве“.

Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
„Один брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы — Святославичи!
Седлай, брат, коней своих борзых,
а мои готовы, стоят под Курском оседланы.
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые рожжены,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напряжены,
колчаны отворены,
сабли избстрены,
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы“.

Тогда вступил Игорь-князь в злат-стрёмь
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила;
свист звериный в стада их сбил.
Див кличет с вершины древа,

велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский истукан!
А половцы неторёными дорогами
побежали к Дону великому;
кричат телеги в полуночи,
словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клёкотом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.
О Русская земля! Уже за холмом сокрылась ты!

Долго ночь меркнет.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла;
щекот соловьиный умолк,
говор галочий пробудился.
Русичи широкие поля червлеными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано с зарей в пятницу они потоптали поганые
полки половецкие
и рассыпались стрéлами по полю,
помчали красных девиц половецких,
а с ними злато, и атласы, и дорогие оксамиты.
Плащами, покрывалами и бпашнями, и разным
узорочьем половецким

стали мосты мостить по болотам и топким
местам.

Червленный стяг, белая хоругвь,
червленая челка, серебряный жезл —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле храброе Олегово гнездо, далёко
залетело!
Не было оно на обиду рóждено ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон, поганый половецанин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак за ним следом, по пути к Дону великому.

На другой день поу́тру рано
крававые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотя прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Итти дождю стрéлами с Дона великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям притупиться
о шелома половецкие,
на реке на Каяле, у Дона великого.
О Русская земля! Уже за холмом сокрылась ты!

—
Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря
стрéлами на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут,

† Слово о полку Игореве 161

прах поля покрывает, речью стяги шумят,
половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи — червлеными щитами!

Яр-тур Всеволод! Стоишь на поле брани,
прищешь на воинх стрѣлами,
гремнись о шеломы мечами харалужными.
Куда он, тур, ни поскачет, своим золотым шеломом

там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены саблями калеными шеломы аварские
тобою, яр-тур Всеволод!
Ран ли устрашится, братья,
забывший почести и богатство, и града Чернигова
отчній златой престол,
и своей милой жены, ясной Глебовны,
свычаи и обычан.

Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле рассеивал.
Вступает он в злат-стремень во граде Тмуторокани,
звон же тот слышал давний великий Ярослав,
а Владимир, сын Всеволодов, всякое угро
затыкал себе уши в Чернигове;
Бориса же Вячеславича,
младого и храброго князя,
похвальба на смертний суд привела

и на Кáнинне зеленое ложе постлала за обиду
Олегову.
С той же, как ныне, Каялы повез Святополк отца
своего
между ўгорскими иноходцами ко святой Софии,
к Киеву.

Тогда, при Олеге Г'ориславиче,
засевалось и порастало усобицами,
погибало добро Дажьдбожьего внука,
в княжьих крамолах век людской сокращался.
Тогда по Русской земле редко пахари кликали,
но часто вороны каркали,
мертвечину дея меж собою,
а галки вели свои речи,
собираясь лететь на поживу.
То было в те бои и в те походы,
а такого боя не слыхано!

С рассвета до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломы,
трещат копия булатные
в поле незнаемом среди земли Половецкой.
Черна земля под копытами костьми была засеяна,
а кровию залита:
тугою взошли они по Русской земле!

Что там шумит, что там звенит издалѣка рано
перед зóрями?

Игорь полки оборачивает:
жаль ему милого брата Всеволода.

Билися день, билися другой,
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой
Каялы;

тут кровавого вина не достало;
тут докончили пир храбрые русичи:
сватов напояли,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле приклонилось.

Уже невеселая, братья, година настала,
уже Пустыня Силу прикрыла!
Встала Обида в полках Дажьбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море
у Дона:

плещучи, прогнала обильные времена.
Походы князей на поганых затихли,
ибо сказал брат брату: „То мое, а это — мое же!“
И начали князья про малое „вот великое“ молвить,
а сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.
О! далеко залетел сокол к морю, птиц избивая!

А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнули Карна и Жля,
поскакали по Русской земле,
жар раскидывая погребальный пламенным рогом.

Жены русские расплакались, причитая:
„Уже нам милых своих ни мыслию не помыслить,
ни думой не вздумать,
ни очами не увидеть,
а златом и серебром подавно не потешиться“.

И застонал, братья, Киев кручиною,
а Чернигов напастями:
тоска разлилась по Русской земле,
печаль обильная потекла среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с победами рыская по Русской земле,
собирали дань по белке с двора.

Те ведь два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили нечисть усобицей;
ее усмирил грозою отец их, великий грозный
Святослав Киевский,
устрашил своими могучими полками и
булатными мечами:
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
замутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобяка из лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно
вихрь, выхватил;

и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецихи, тут и греки и моравы
поют славу Святославу,

корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой.
Русского злата насыпали!
Тут Игорь-князь пересел из золотого седла да
в седло невольничье!
Приуныли по градам забрала, а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах.
„В ночь сию с вечера одевали меня, — молвил, —
черным покрывалом на кровати тисовой,
черпали мне синее вино с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых
толмачей
скатный жемчуг на грудь и нежили меня.
Уже доски без князька на моем тереме
златоверхом!
Всю ночь с вечера вещи вóроны каркали
у Плесеска на пойме,
были они из дебри Кияни
и понеслися к синему морю“.

И сказали бояре князю:
„Уже, князь, горе ум одолело:
вот два сокола слетели с отчего престола золотого
поискать града Тмуторокани,
либо испить шеломом Дона.
Уже соколам крылья подрезали поганые саблями,
а самих опутали силками железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца
померкли,
оба багряные столпа погасли,

а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав,
тьмою заволоклися,
и в море погрузились,
и разбудили буйство поганых великое.
На реке на Каяле тьма свет покрыла;
на Русскую землю ринулись половцы, словно
пардусов гнездо.

Уже пало бесчестье на славу,
уже ударило насилье на волю,
уже бросился Див на землю.
Вот и готские пригожие девы запели на берегу
синего моря,
звения русским золотом;
поют время Бусово,
ледеют мечь Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселья“.

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
„О сыны мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами терзать Половецкую
землю,
а себе славы добиваться;
но не с честью побились,
не с честью вы кровь поганую проливали.
Ваши храбрые сердца из крепкого харалуга
скованы,
а в удали закалёны.
То ли сотворили моей серебряной седине?
А уж не выждали вы сильного и богатого
и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими боярами,

с воеводами, и с татра́нами, и с шельби́рами,
с топча́ками, с реву́гами и с ольберами:
они без щитов, с пожами засапожными,
кликом полки побеждают,
звезя прадедовой славой.

Но сказали: „Поратуюем сами,
славу былую сами захватим, грядущую сами
поделим!“

А диво ли, братья, старому молодым обернуться?
Когда сокол оперенье меняет,
высоко́ птицъ взбивает,
не даст греза своего в обиду,
но вот зло: князья мне не пособники!
На худое години обратились!“

Вот в Римове кричат под саблями половецкими,
а Владимир покрыт ранами,
горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод!
Не мыслю лишь тебе б прилететь издалёка
отчий престол золотой поблисти!

Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шеломами вычерпать!

Если б ты был, то рабыня была б по ногате,
а раб по резане.

Ты ведь можешь посуху живыми стрелять
шереширами,

удалыми сыновьями Глебовыми!

Ты, буй Рюрик, и Давыд!

Не у вас ли воины золочеными шеломами
по крови плавали?

Не у вас ли храбрая дружина рыкает, словно
туры,
раненные саблями калеными, на поле незнаемом?
Вступите, государи, в злат-стрёмень за обиду
сего времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Галицкий князь Осмомысл Ярослав!
Высоко́ ты сидишь на своем златокованном
престоле,
подперев горы угорские своими полками
железными,
заступив путь королю, затворив Дунаю ворота,
метая кладь под облако,
суды ряда до Дуная.

Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киеву;
стреляешь с отчего златого престола в султанов
за землями!

Стреляй, государь, в Кончакá, в поганого
кочевника,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

А ты, буй Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль носит ум ваш на подвиги!
Высоко́ плаваешь на дело в доблести,
словно сокол на ветрах ширяясь,
задумавший птицу в смелости одолеть.
Есть ведь у вас железные панцири
под шеломами латинскими.

От них дрогнула земля, и многие страны:
хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы —
копья свои побросали,
а головы свои преклонили
под те мечи харалужные.
Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру обронило листву!
По Роси и Суле грады поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на
победу:
Ольговичи, храбрые князья, поспешили на брань!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!
Не худá гнезда о шести крылах соколы!
Не победным жребием себе волости добыли!
Где же ваши златые шелома, и копья ляшские,
и щиты?
Загородите Полю ворота своими острыми
стрéлами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями для
града Переяславля,
и Двина болотом течет грозным полочанам под
клик поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами о шелома
литовские,
приласкал славу деда своего Всеслава,

а сам, под червлеными щитами на кровавой траве
приласкал литовскими мечами,—
с суженою обручась, молвил:
„Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!“
Не было тут брата Брючислава, ни другого —
Всеволода,
один изронил он жемчужную душу из храброго
тела чрез златое ожерелье.
Приуныли голоса, поникло веселие,
трубы не трубят городенские.
Внуки Ярославовы и все внуки Всеславовы!
Уже опустите стяги свои,
в нóжны вложите мечи свои порубленные,—
уже выпали вы из дедовой славы!
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых на землю Русскую,
на добро Всеславово:
из-за раздоров пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав
жребий о девице ему лóбой.
Он, лукавством подпершись, оседлал коня
и скакнул ко граду Киеву
и коснулся жезлом золотого престола Киевского;
принул, таясь, лютым зверем в полночь из
Белгорода
и сокрылся в синей мгле;
утром же вонзил секиры, отворил ворота
Новгороду,

разбил славу Ярославову,
скакнул волком до Немиги из Дудуток.

На Немиге из голов снопы стелют, молотят цепами
харалужными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые брега не добром были
засеяны —
костьми засеяны русских сынов.

Всеслав князь людей судил,
князьям грады рыдил,
а сам в ночи волком рыскал,
из Киева, рыща, доскакивал до петухов в
Тмуторокань,
великому Хорсу, волком рыща, путь перебегал.
Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили
в колокола у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и вещая душа в храбром теле,
но часто страдал от напастей.
Ему вещей Боян еще встарь припевку, разумный,
сказал:

„Ни хитрому, ни гораздому,
ни вещуну гораздому
суда божьего не миновать!“

О! стонать Русской земле, вспоминая прежнюю
годину и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить
к горам Киевским!

А ныне стяги его — одни стали Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
и розно их полотнища веют, порознь копья поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою незнаемой рано кличет:
„Полечу, — молвит, — кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукав в Каяле реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его
теле“.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале,
причитая:
„О Ветер-Ветрило! Зачем, господин мой, силой
встречною веешь?
Зачем несешь половецкие стрелы на своих легких
крыльях на моего лады воинов?
Мало ли тебе было высоко под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье по ковылю
развел?“

Ярославна рано плачет в Путивле городе на
забороле, причитая:
„О Днепр Словутич! Ты пробил волной каменные
горы сквозь землю Половецкую;
ты лелеял на струях своих Святославовы ладьи
до полка Кобякова;
прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб
не слала к нему слез на море“.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале,
причитая:
„Светлое и тресветлое Солнце! Всем ты тепло
и пригоже!
Зачем, господин мой, простер горячие свои лучи
на воинов ляды,
в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?“

Всплеснулось море полуночью;
идут смерчи мглою.
Игорю-князю бог путь кажет
из земли Половецкой в землю Русскую,
к отчему золотому престолу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит — Игорь глядит,
Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
В полночь Овлур коня свистнул за рекою,
велит князю разуметь:
„Князю Игорю не быть“, — кликнул,
дрогнула земля, зашумела трава,
вежи задвигались половецкие.
А Игорь-князь поскакал горностаем к тростникам
речным,

слетел белым гоголем на воду;
вскинулся на борзѣ коня,
соскочил с него серым волком,
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под туманами,
избивая гусей и лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.

Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
отрясая студеную росу;
своих бѣрзых коней притомили!

Донец сказал: „Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку горевания,
а Русской земле веселия!“
Игорь сказал: „О Донец мой!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленѣ траву на своих берегах
серебряных,
одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого
древа;
стерег ты его гоголем на воде,
чернетьми на волнах,
чайками на вѣтрах“.

Не такова, молвят, река Стѹгна: скудную струю
имея,
пожрав чужие ручьи и воды,
расширясь к устью,
юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного
берега.

Плачется мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы с жалости,
а древо с кручины к земле приклонилось.

А не сороки застрекотали:
по следу Игореву ездят Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гзак Кончаку:
„Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка расстреляем своими золочеными
стрелами“.

Говорит Кончак Гзаку:
„Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка мы опутаем красною девицею“.
И сказал Гзак Кончаку:
„Коли его опутаем красною девицею,
не будет у нас соколенка,
не будет и красной девицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!“

—
Молвил Боян о походах Святославовых,
песнотворец старого времени — Ярославова,
Олегова,

князьями чтимый:
„Тяжко тебе, голове, без плеч:
зло и телу без головы.“ —
Русской земле без Игоря!
Солнце светится на небесах:
Игорь князь в Русской земле.

Девицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву ко святой богородице
Пирогощей.

Страны рады, грады веселы.

Спевши песнь старым князьям, надобно и
молодым запеть:

слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу.
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!
Аминь!

ПЕСНЯ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Не пора ли нам, братья бранные,
Как бывало, зачать песню ратную,
Песню ратную о походе князя Игоря,
Князя Игоря Святославича.

Мы зачнем ее не попрержнему,
Не по замыслу Боянову,
А по сказаньям нашего времени.

Когда вещий Боян песню складывал,
Растекался он белкой по дереву,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаком.
Помнил он время стародавнее,
Выпускал он тогда десять соколов,
Десять соколов на стадо лебедей, —
Которую догонит, та и славу поет:
Ярославу ли, Ярославу старому,
Мстиславу ли, Мстиславу Храброму,
Что сразил Редедю пред касожским полком,
Красному ли Роману Святославичу.

Не пускал Боян десять соколов,
Десять соколов за лебедью —
Он персты свои, персты вещие
На живые струны воскладывал,
Они сами рокотали славу княжескую.

Зачнем же, зачнем песню ратную
От Владимира старого до Игоря,
До Игоря, князя нынешнего,
Что изострил сердце свое мужеством,
Исполнился духа ратного
И повел свои полки храбрые
На землю, землю Половецкую
За великую землю Русскую.

О вещий Боян, Боян-соловей,
Соловей минувшего времени,
Как воспел бы ты полки князя Игоря,
Князя Игоря Святославича,
Скача, соловей, по древу мысленному,
Залетел бы ты думой под облако,
Ты летел бы, соловей, по полям-горам,
Ты завел бы свою песню вещую:
„То не буря, не буря несет сокола
Через поле, поле широкое,
То не стаи, не стаи галочки
Полетели к Дону великому“.
И еще бы рокотали струны звонкие,
Струны звонкие Бояна вещего:
„Кони-комони ржут за Сулою,
Звоном звенит слава в Киеве,

Трубы трубят в Новгороде,
Во Путивле славном стяги стоят“.

Тогда Игорь взглянул на солнце светлое
И увидел, что на солнце тьма нашла
И прикрыла всех его воинов.
Но сказал своей дружине Игорь-князь:
“Дружина моя и братия!
Лучше пасть в бою, чем плененным быть!
Вы садитесь, братья ратные, на быстрых коней,
Поглядим на простор Дона сиего“.
Подошло ум его желание
Дойти до Дона великого,
Заслонило небесное знаменье.
„Хочу с вами, — сказал, — люди русские,
Среди поля Половецкого
Предомить копьё, сложить голову,
Либо Дон испить шеломами“.

Игорь ждет мила брата Всеволода.
Говорит ему буй тур Всеволод:
„Один брат, один свет светлый ты, Игорь мой!
Оба мы — Святославичи!
Седлай, брат, своих быстрых коней,
А мои готовы, оседланы,
Оседлан „ у Курска напередь.
Курыя мои — славны воины,
Под трубами повиты,
Под шеломами роцены,
С конца копьё вскормлены.
Дороги им ведомы,
Овраги им знаемы,

Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли наострены,
Сами скачут, как волки по полю,
Себе — чести, князю славы ищучи“.

Вступил князь Игорь во златое стремя
И поехал по чисту полю.
Солнце тьмой ему заступает путь,
Ночь грозой гремит, громом будит птиц.
Свист звериный встал, кличет с древа Див,
Его слышно и по степи неизвестной,
И по Волге, и в Поморьи, и в Посулии,
И в Посулии, и в Суроже, и в Корсуни,
И в Корсуни, и в Тьмуторокани.
А половцы дорогами нехоженными
Двинулись к Дону великому.
Верещат их повозки во полнощи,
Словно лебеди кричат перепуганные.
Игорь к Дону ведет воинов.

А ведь птицы по дубам над дружиною,
Над дружиною стерегут беду,
Волки по яругам грозу зовут,
Орлы клетком на кости кличут зверей,
Лисы лают на щиты червленые.
О земля моя, земля Русская!
Не видна уж ты за курганами!

Долго меркнет ночь. Гаснет свет-заря,
Гаснет свет-заря, кроет мгла поля,
Соловьи замолкли к свету, галки кричат.

Люди русские поле великое
Заградили щитами червлеными,
Себе — чести, князю славы ищучи.

Ударили они в утро раннее,
Потоптали полки половецкие,
Полки половецкие поганые,
Рассыпались стрелами по полю
За красными девками половецкими,
За добычею златом-жемчугом,
За шелками, парчой, рытым бархатом,
А плащами и покрывалами
Половецкими драгоценными
Мосты мостили по болотинам,
По болотинам и топлым местам.
А червленый стяг, бунчук крашеный,
Бунчук крашеный на древке серебряном —
Храброму князю Игорю,
Князю Игорю Святославичу.

Дремлет в поле Олегово гнездо храброе,
Далеко, далеко залетело оно,
Не было оно обиде порóждено,
Не в добычу ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черному ворону,
Черному ворону — поганому половцу.
Гзак серым волком стелется,
И Кончак ему правит след,
Правит след к Дону великому.

На день другой раным-рано
Возвестили свет зори кровавые,

С моря идут тучи черные,
Четыре солнца хотят прикрыть,
А в них трепещут синие молнии.
Быть тут грому, грому великому!
Итти дождю стрелами с Дона великого.
Тут-то копыя переломятся,
Тут-то сабли затупятся,
Затупятся о шеломы половецкие.
На реке, на реке на Каяле,
У Дона, Дона великого!

О земля моя, земля Русская!
Не видна уж ты за курганами!

Ветры веют, веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы,
Земля гудит, реки мутно текут,
Закрывает пыль поле чистое,
Говорят знамена со всех сторон,
Что от Дона и от моря идут половцы,
Обступают войско русское.
Криком степи заградили дети бесовы,
А храбрые люди русские
Преградили степь щитами червлеными.

Ты стоишь в бою, яр тур Всеволод,
Прыщешь на воинов стрелами,
По шеломам гремишь мечами
харалужными,
Где проскачешь ты, буй тур Всеволод,
Своим златым шеломом посвечивая,
Там лежат поганые головы,

Поганые головы половецкие.
Разрублены шелома аварские
Твоею саблею каленою,
Ярый тур князь Всеволод.
Что ему раны, братья ратные,
Что ему до жизни, до почестей,
Он забыл в бою и Чернигов-град,
И отеческий престол златой,
И жены своей, милой Глебовны,
Милой Глебовны свычан и обычан.

Были века, века Трояновы,
Миновали годы Ярославовы,
Прошли походы Олеговы,
Олега-князя Святославича.
Тот Олег раздоры мечом ковал,
По земле его стрелы сеялись.
Зазвенит он своим златым стременем,
Златым стременем в граде Тьмуторокане,
А уж звон тот слышит старый Ярослав,
А Владимир, сын старого Всеволода,
Затыкает уши в Чернигове.
При Олеге, Олеге Гориславиче
Засевалась земля усобицами,
Погибали люди русские
От раздоров-споров княжеских,
Поля стояли редко ораны,
Да над мертвыми кричали часто вороны,
Да галочье летело во все стороны
На пожары, на поживу, на побища.
Было так в те походы, в те усобицы,
А о брани такой не слыхано.

С рассвета, с рассвета до вечера,
С вечера до самого до света
Летят, летят стрелы каленые,
Гремят, гремят сабли острые,
Трещат копыя харалужные
В половецкой степи незнаемой.
Ты черна, черна, степь половецкая,
Копытами ты всконана, вспахана,
Костыми засажена, засеяна,
Кровью русскою досыта поена,
Горе горькое на тебе взошло.

Что за шум шумит, что за звон звенит
Далече рано перед зорями?
Игорь снова в бой ведет воинов, —
Ведь жаль ему мила брата Всеволода.
Бьются день они, бьются день другой,
А на третий день ко полудню
Пали, пали стяги Игоревы.

Разлучились тут братья, расстались,
Расстались на берегу быстрой Каялы.
Недостало вина кровавого,
Окончили пир храбрые сыны русские,
Напоили сватов допьяна,
А сами легли за землю Русскую.
Никнет в жалости ковыль-трава,
Лес к земле в печали клонится.

И пришла, братья, пора невеселая.
Полегла в пустыне сила русская.
Поднялась Обида девою вещью,

Наливали мне вина синего,
Вина синего с горем смешанного,
Осыпали меня крупным жемчугом
Из колчана пустого иноземного,
Всю ночь с вечера серы вороны,
Серы вороны у Плесенска граяли,
И летели они к морю синему“.

И бояре князю молвили:
„Полонила ум твой, княже, скорбь великая,
Слетели оба наши сокола
С золотого престола отчего
Испить шеломом Дона синего,
Побывать у града Тьмуроканя.
Да подрезаны крылья соколиные
Острыми саблями половецкими,
Опутали их путами железными.
Потемнело небо в третий день,
Оба солнца наши сокрылися.
Два багряные столпа помутились,
И месяцы наши светлые —
Святослав с Олегом — тьмой закрылися,
В море темное опустилися.
А враги наши возрадовались.
На реке на быстрой Каяле
Белый свет закрыла тьма-туман,
А по Русской земле бродят половцы,
Бродят половцы гнездом пардусов.
Заменяло бесчестье славу прежнюю,
И уж готские красные девицы
На чужом приморском берегу
Зазвенели русским золотом,

Славят силу половецкую.
А уж нам, дружине, нет веселия“.

И тогда Святослав великий князь
Золотое слово вымолвил,
Со слезами горькими смешанное:
„Вы родные мои Игорьь, Всеволод,
Вы на землю половецкую
Рано, рано мечи подняли,
Рано славу искать начали,
Одолели половцев без чести вы
И без чести кровь поганую пролили.
Из булата сердца ваши скованы.
Закалила их бueсть-мужество,
Чем же вы вознесли, почтили вы
Седину мою серебряную?

Что ж не вижу власти над вами я
Сильного, богатого, многовоинного
Ярослава, моего брата милого,
С боярами его черниговскими,
С татранами, с шельбирами, с могутами,
С топчаками, с ревугами, с ольберами,—
Без щитов, с ножами засапожными,
Одним кличем своим воинским,
Побеждали они полки вражеские
И звенели славою прадедов.
Вы ж сказали: „Сами поборемся,
И минувшую славу себе возьмем,
И сами поделим славу будущую“.
А разве диво старому помблодеть?
Сокол, други, и стар бывает,

А высоко он птиц взбивает,
Не дает в обиду гнездо свое.
А теперь мне нет княжьей помощи.
Обернулось время горестью,
Кричат в Римове под саблями половецкими,
И Владимир стонет под ранами.
Печаль и тоска сыну Глебову“.

Ты, великий князь Всеволод!
Издаля что же не мыслишь ты
Постоять за золотой отцовский стол?
Можешь Волгу ты веслами выплескать,
Можешь Дон ты шеломами вычерпать.
Кабы ты, княже, был бы здесь,
То рабыни бы шли за безделицу,
А рабы по самой по мелочи.
Что ж не вступишь ты в стремя
 злаченное

Постоять за землю Русскую,
За землю Русскую, за раны Игоря,
За Игоря буюго Святославича!

Ты, Давид, и Рюрик — ярый тур!
Не ваши ли храбрые воины
Золотыми шеломами в крови плавали?
Не ваша ли дружина храбрая
Рыкает, как туры израненные,
Израненные саблями калеными
На поле неведомом, незнаемом?
Вступите ж вы в стремени злаченные,
Вступите за землю Рускую,

За землю Русскую, за раны Игоревы,
За Игоря буюго Святославича!

Ярослав Осмомысл Галицкий!
Высоко сидишь ты на своем столе,
На своем столе златокованном,
Подпер горы Угорские
Своими полками железными,
Затворил ворота Дунай-реке,
Суды рядишь до Дуная-реки,
Грозы твои по землям текут,
Отворил ты врата граду Киеву,
С отчего золотого стола
Ты стреляешь салтанов на чужой
 земле —

Так стреляй же Кончака, раба поганого,
Отомсти за землю Русскую,
За землю Русскую, за раны Игоревы,
За Игоря буюго Святославича!

А вы, Мстислав и Роман буй тур!
Храбрый дух зовет вас на дело ратное.
Высоко плывет на подвиг ваше мужество,
Словно сокол взмывает по ветру,
Побивая птиц своей удалью.
У вас воины железные
Под шеломами латинскими.
Перед вами страны многие —
Литва, ятвяги и половцы —
Свои копья наземь бросили,
Понесли на поклон свои головы
Под ваши мечи харалужные.

Подымите ж мечи за землю Русскую,
За землю Русскую, за раны Игоревы,
За Игоря буюго Святославича!

А теперь для Игоря померк белый свет,
Не к добру сронило листья дерево.
Города по Суле поделены.
Не воскреснет Игоря дружина храбрая.

Ингварь, Всеволод и Мстиславичи!
Не худого гнезда вы соколы,
Да не жребиями победными
Вы владычество свое добыли.
Где же ваши шеломы злаченные?
Где щиты и копья ляшские?
Заградите ворота вору
Своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоревы,
За Игоря буюго Святославича!

Ведь уже не хранит Сула-река,
Не хранит струями серебряными
Древнего града Переяславля,
Заболотилась Двина-река у Полоцка
От поганого крика половецкого.

Лишь один Изяслав Василькович
Позвенел мечами острыми,
Позвенел о шеломы литовские,
Потерял он славу дедову,
А сам под щитами червлеными
На траву склонился кровавую,

Порублен мечами литовскими.
Плачем плачет над ним жена милая:
„Придели дружину птицы крыльями,
Звери кровь твою, княже, повылизали“.
Брата Брячислава с ним не было,
Ни другого брата — Всеволода,
Изронил он душу жемчужную,
Душу жемчужную из тела храброго
Чрез златое свое ожерелье.
Города приуныли, веселья нет,
О полоне трубят трубы городенские.

Ярославичи, внуки Всеславовы,
Вы склоните свои стяги тяжкие,
Опустите мечи неправедные,
Посрамили вы славу дедову.
Это вы своими сварами
Навели поганых на землю Русскую.
Из-за вашей лихой раздор-вражды
Гнетет нас племя половецкое.

На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице,
Хитростью подобрался он к Киеву,
Тронул древком престол златокованный,
Отскочил лютым зверем во полночь,
Во полночь из Белгорода,
Окруженный мглою синею,
А утром ударил секирами,
Отворил ворота Новагорода,
Порасшиб он славу Ярославову,
Серым волком прибежал на Немигу.

А на Немиге снопами стелют головы,
Молотят их цепами булатными,
Не зерно на ток, а жизнь кладут,
Душу от тела отвеивают.
Берега той Немиги кровавые
Не добром, не добром засеяны,
Засеяны они костями русскими.

Тот лихой Всеслав людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночь волком порыскивал,
Порыскивал из Киева до Тьмуторокана.
В Полоцке ударят к заутрене
У Святой Софии в колокол,
А звон ему слышался в Киеве.
В храбром теле его жила душа вещая,
А и он не мог с бедами справиться.
Про него Боян мудрый вымолвил:
„Ни искусством, ни злою хитростью,
А божия суда не минути“.

О, стонать, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминать тебе время прежнее,
Вспоминать тебе князей праведных
И того ли старого Владимира.
А теперь его стяги у Рюрика,
А другие стяги — Давидовы,
Только врозь бунчуки их развеваются,
И копыя поют у них по-разному.

На Дунае Ярославнин голос слышится,
Рано-рано она кличет кукушкою,

Кличет кукушкою неизвестной:
„Полечу я кукушкою по Дунай-реке,
Омочу бобров рукав в реке Каяле —
Утру князю его раны кровавые,
Раны кровавые на теле княжеском“.

Ярославна рано-рано плачется,
Плачется в Путивле над оградюю:
„О ты ветер, ветер, господине мой,
Ты зачем, господине, шумишь крыльями?
Ты зачем несешь стрелы вражеские
На дружину моего князя милого?
Ты бы веял в вышине под облаком,
Ты б лелеял корабли у моря синего.
Ты зачем, зачем мое веселие
Развеял, господине, по ковыль-траве?“

Ярославна рано-рано плачется,
Плачется в Путивле над оградюю:
„О ты Днепр Словутич, господине мой!
Ты пробил, пробил горы каменные
Через землю Половецкую,
Ты лелеял насады Святославовы
До стана, стана Кобякова.
Ты верни, господине, ладу милого,
Чтобы горьких слез не лила я по нем,
Не лила я слез с утра до ночи“.

Ярославна рано-рано плачется,
Плачется в Путивле над оградюю:
„О ты солнце, господине, светлое,
Солнце светлое и трисветлое!

Ты для всех красно, ты для всех тепло,
Что же ты лучами горячими
Обжигашь воинов лады милого?
Что ж в безводной степи, в степи сухой
Сводишь луки дружине жаждой-горечью.
Запираешь колчаны горем-мúкою?»

Взволновалось море по полуночи,
Встали вихри туманом-мглой,
Князю Игорю кажет путь господь,
Кажет путь ему в землю Русскую,
В землю Русскую из плена половецкого,
К отчему престолу златоканному.
Погасли зори вечерние,
Игорь спит — Игорь бдит,
Игорь путь ночной мерит мыслями
От великого Дона синего
За Донец-реку, реку малую.

За рекой Овлур в полночь подал знак,
Ведит князю Игорю догадываться —
Пора уходить князю Игорю.
Загудела земля, зашумела трава,
Закачались шатры половецкие.

Сквозь камыш князь Игорь горностаем
прошел,
Белым гоголем прыгнул на воду,
Вскочил князь Игорь на борза коня.
Серым волком сошел с него,
Помчался к донецкой излучине,
Соколом полетел над туманами,

Сбивал по дороге лебедей-гусей
К завтраку, к обеду и к ужину.
Летит князь Игорь соколом,
А Овлур за ним волком спешит,
Из-под ног брызжет роса студеная,
Притомили они своих быстрых коней.

Говорит Донец-река князю Игорю:
„Немало тебе, княже, величия,
Немало Кончаку злобы-горечи,
А Русской земле веселия!“
Отвечает Игорь: „О Донец река!
И тебе, Донец, немало величия,—
На волнах своего князя лелеяла ты,
Постилала ты ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевала туманами теплыми,
Закрывала деревьями зелеными,
На воде стерегла птицей-гоголем,
По волнам неслась белой чайкою,
По ветрам летела уткой-чернядью“.

Такова ль была злая Стugna-река?
Поглотила она реки соседние,
Расширилась к устью бурному,
Ростиславу-князю, юноше,
Затворила Днепр у темного берега.
Плачет, плачет мать Ростиславова
По князю Ростиславу, по юноше,
Приуныли цветы от жалости,
И деревья с печалью к земле
клонятся.

Не сороки стрекочут по лесу —
Едут Гзак с Кончаком по следу Игоря.
Смогли галки, вороны не каркают,
Не стрекочут сороки, только змеи ползут,
Дятлы стуком путь к реке указывают,
Соловьи веселыми песнями,
Песнями о рассвете весть дают.

Говорит Кончаку поганый Гзак:
„Коли сокол ко гнезду летит,
Подстрелим мы соколенка его
Своими стрелами злачеными“.
Отвечает Кончак Гзаку поганому:
„Коли сокол ко гнезду летит,
Соколенка его мы опутаем,
Опутаем красною девицей“.
Отвечает Кончаку поганый Гзак:
„Коль опутаем его красной девицей,
Не будет у нас соколенка того,
Не будет у нас и красной девицы.
Да почнут сокола нас бить по полю,
По тому ли полю Половецкому“.

Хоть и тяжело тебе было, голова, без плеч,
Еще хуже было, тело, без главы тебе,
А Русской земле без князя Игоря,
Князя Игоря Святославича.
В небе синем светит солнце красное,
А Игорь-князь на Русской земле!

На Дунае поют красны девицы,
Вьются песни их над морем до Киева,

А князь Игорь едет по Боричеву
Ко святой Пирогощей богородице.
В странах — радость, в городах — веселье.

Старых князей песней славили,
А теперь молодым пора славу петь:
Слава Игорю, Игорю Святославичу,
И брату его буй туру Всеволоду,
И князю Владимиру Игоревичу!

Слава князьям со дружиною,
Что бьются с полками погаными,
Слава князьям со дружиною,
Слава им вовеки! воистину!

**СЛОВО О БИТВЕ ИГОРЕВОЙ,
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,
ВНУКА ОЛЕГОВА**

А было бы лепо нам, братья,
сказать старинною речью
скорбную повесть
о битве Игоревои,
Игоря Святославича!

Однако начаться песне
строем нашего времени,
а не по замыслению Бояна.

Вещий Боян —
если о ком-либо
пропеть замыслил, —

то разлетается
мыслью-белкою по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаком.

Памятовал Боян
и праотцев древние войны!

Тогда пускает
десять соколов
на стаю лебедей:

которую лебедь настигнут —
та и песнь запевала:
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
тому, что сразил Редедю
перед полки Касожскими,
прекрасному Роману Святославичу.

Боян же, братья,
не десять соколов
на стаю лебедей пускает —
десятерицу вещей перстов
на живые струны воскладает.
И струны сами
князьям славу рокотали!

Начнем же, братья,
повесть сню
от старого Владимира
до нынешнего Игоря,
в котором отвага
переборол разум,
чье сердце
воспламенилось мужеством,
кто, исполненный ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую —
за землю Русскую!

Бояне!
Соловей старого времени!
Когда бы ты про эти битвы пропел,

носясь хвалою
летая умом по мысленну древу,
под облаком,
свивая славу
для нашего времени,
рыща путем Бояна —
через поля на горы,—
так бы ты начал Игорю,
Олега

внуку:
„Не буря соколов занесла
через поля широкие —
Галицкое войско несется
к Дону Великому!..“

Или бы так воспел ты,
вещий Боян,

бога Велеса вну́че:
„Кони ржут за Сулою,
звонит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде,
стоят полки в Путивле!..“

Игорь ждет
мила брата Всеволода.
И сказал ему
буй-тур Всеволод:

„Один брат,
один мне свет светлый —
ты, Игорь!
Не оба ли мы — Святославичи!

Так седлай, брат,
своих ретивых коней —
а мои-те готовы,

оседланы:
У Курска — наперед! —
А мои ведь курыне —
тебе ведомы воины! —
под трубами по́виты,
под шлемами возлеяны,
с конца ко́ня вскормлены!
Пути им ведомы,
яруги им зна́емы,
луки напряжены,
колчаны отво́рены,
сабли изо́стрены!

Сами ж мчатся,
как серые волки в поле,—
себе добыть чести,
а князю — славы!..“

... Тогда Игорь взглянул
на померкшее солнце
и видит,

как тьмою солнца
и у воинов
ду́ши затмились.
И воззвал Игорь

к дружине своей:
„Братья!
И вы, дружина!
А уж лучше убиту быть,
нежели пленену быть!

Сядем же,
 братья,
 на своих ретивых коней
да позрём Синего Дону!*

Спалали князю душу жажда
изведать Дону Великого —
и знаменье стало ему ни во что!

„Либо
 копье изломаю
 среди степей

Половецких,
с вами, Русичи,
либо голову свою сложить,
а либо испить
золотым шеломом Дону!*

Тут вступил Игорь-князь
в злат стремёнъ
и поехал по чистому полю.
И солнце затмёньем
путь ему заступало.
И ночь,
 ропца на него грозою,
птиц прибила!..

Взбились половцы,
свищут свистом звериным,
кличут с вершин деревьев —
сзывают дикие
Землю незнаемую —
и Волгу,
 и Поморье,

и по-Сулье,
и Сурож,
и Корсунь,
 и тебя,
Тмутороканский хан!

И половцы
 без дорог,
 яругами,
устремилась к Дону Великому!
Кричат телеги, в полүночи,
скажешь —
 лебеди терзаемые.
... А Игорь к Дону
 войско ведет!..

Уж вестник беды его —
птица слетается.
Добычу почуяли
 волки в яругах.
Орлы
 клёктом
 на кости
 зверя зовут.
Лисицы брешут
 на красные щиты...
О Русская земля!
 уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет.
Заря отпылала.
Мгла поля покрыла.

Соловиный щекот уснул.
Говор галичан умолк...
Русичи в нощлег

 большое поле
красными щитами оградил,
забылись дремой,
 жаждущие чести,
а князю — славы!

Наутро в пятницу
потоптала Русь
 поганые полки половецкие!
Рассыпались стрелами по полю
и помчали
 красных девиц половецких,
а с ними — и золото, и шелка,
и рытые бархаты!
Покровами,
 епанчами,
 кафтанами
начали мосты мостить —
по болотам и грязным местам —
и всякими узорчьями половецкими!..
Красное знамя — белый скипетр!
Красный бунчук — серебряное оружие
храброму Святославичу!

Дремлет в поле
Олегово храброе гнездо —
Далече залетело!
Не на обиду было порождено —
ни соколу, ни кречету,

ни тебе,
черный вóрон —
поганый половецанин!..
...Гзак бежит серым волком,
Кончак ему вслед мчится —
к Дону Великому.
Другого дня,
раным-рано,
зори кровавые

 свет предвещают,
тучи черные
 с моря идут —
хотят поглотить
 четыре солнца,
в тучах трепещут
 синие молнии.

Быть грому великому!
Игги дождю стрелами —
с Дону Великого!
Тут-то копьям потрещати!
Тут-то саблям позвяцати —
о шёлбы половецкие,
на реке на Каяле,
у Дону Великого!
О Русская земля,
когда бы только за холмами ты!..

Не ветры ль,
 Стрибожьи внуки,
шумят с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы?!
Земля стонет!

Реки мутно текут!
Не бором ли темным

степь накрылась?!

И заговорила рать:
„Половцы идут!..“
И ото всех сторон —
от Дона и от моря —
русскую рать обступили!..

Дети бёсовы
кликом поля перегородили,
а храбрые Русичи
красными перегородили щитами!

Ярый тур

 Всёволод,
пра́вишь боем!
Сыплешь в поганых стрелами,
грёмлешь о шлемы
мечами булатными!..

Где ни промчишься, тур,
своим золотым шлемом посвечивая,
там и лежат

 поганые головы половецкие!
Расколоты саблями калеными
шеломы аварские —
тобою,
ярый тур, Всёволод!..
Что́ раны!

 дорогие братья,
тому, кто жизнь,
 кто сан свой
и город забыл Чернигов,

и отчий зóлот престол,
и своей милой супруги,
светлой Глебовны,
любовь и ласку?!

Кáнул век Бояна,
ми́ну́ли времена Ярослава,
отгремели войны Олега,
Олега Святославича!

Тот ли Олег
мечом крамолу ковал
и стрелы по Русской земле сеял.
Ступает в злат стремя
в городе Тмуторокани,
а звон тот слышал
и давний великий Ярославич —

 Всеволод,

Владимир же
 всякое утро
уши закладáл в Чернигове!
Тогда же

 и Бориса Вячеславича,
поднявшегося за Олега,
похвальба на бой привела
и на зéлен саван
той ли речки Каи́ны
уложила юного и храброго князя...!

Не от той ли Каялы
Святополк полелеял
убитого отца своего,

меж мадьярскими иноходцами —
ко святой Софии, к Киеву!

Тогда,
при Олеге Гориславиче,
разоряла, раздирала усобица,
погубляла добро земледельца.
В княжих крамолах
век человечесий скоротился.

Тогда
по Русской земле
редко пахарь покликивал,
но часто вóроны граяли,
трупы меж собою деля,
да галки свою речь говорили,
сбираясь полететь на добычу.

То было в те войны,
в те битвы.

А этакой битвы не слыхано!
С рассвета и до вечера,
с вечера и до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шелома,
трещат копыя харалужные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой!
Чернá земля под копытами
костымй была посеяна,
а кровью полита,—
бедою взошли они
для Русской земли!

Что мне шумит?

что мне звенит? —

издалече,
перед зóрями?

Игорь
полки заворочáет:
жалко ему
мила брата Всеволода!

Бились день,
бились другой —
на третий день, к полдню,
полегло войско Игорево!

Тут два брата разлучились
на бреге быстрой Каялы.

Тут кровавого вина не достало.

Тут покончили пир
храбрые Русичи:
и сватов напоили,
а и сами полегли
за землю Русскую!
Никнет трава от жалости,
и дерево с тоской
к земле припало!

Братья!

А невеселая година настала! —
уже степь-пустыня
Игорево войско прикрыла!
Восстала вражда
среди Дажьбожьих внуков,—
ринулся дикий
на землю Бояна,

крыла́ми беды́
возгремел,—
там,
у Дона
на Синем море,
торжествуя!

Ка́нули добрые времена!
С погаными война
у князей поослабла!
Ибо брат брату молвил:
„То мое,
а и то́ — мое же!“

И принялися князья
о маленьком — „вот великое!“ — молвить
и сами промеж собою
крамолу ковать.
А поганые
отовсюду приходили
войною
на землю Русскую!..
О, далече,
бья птиц,
залетел сокол к морю!
А Игоревы храбрые полки
не воскресить уж!

И, кликнув,
ханы Ка́рна и Жля́
поскакали по Русской земле,
пламя кидая
в огненном роге.

Жены русские
восплакались, причитая:
„Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очами глянути!
А златом-серебром
и по́давню не позвяца́ти!..
И застонал тут, братья,
Киев — от скорби,
а Чернигов — от поганых!
Насилье простерлось
по Русской земле!
Враг безудержу хлынул
к сердцу земли Русской!“

Князья же сами
промеж собою крамолу ковали,
а поганые половцы
набеги творили на Русскую землю.
Брали дань —
горностая от двора!..

Не те ль
два отважные Святославича,
Игорь и Всеволод,
снова половцев подняли,
которых там,
на Каяле,
усмирил было
отец их Святослав,
грозный,
великий,
Киевский:

грозою было приустранил,
своими булатными мечами,
своими могучими полками
попрал землю Половецкую,
потоптал холмы и яруги,
возмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка́
из Лукоморья,
от железных бесчисленных полков половецких,
будто вихрем исторг!

А упал тот Кобяк
в граде Киеве,
в гриднице Святослава!..

Тут Немцы, Венециане,
тут Греки и Морава
поют славу Святославу,
поносят Игоря:

„Погубил, де, жизнью
в злой день Каялы,
реки половецкой!
богатырей русских

поуложили там!

Высажен Игорь-князь
из седла золотого,
да в седло рабское!“

Почернели и градов стены!
Поникло веселье!
А Святослав

мутен сон видел
в Киеве, на горах!

„Сей ночи,
с вечера,—
сказал он,—

одевали меня
черными покровами
на кровати сосновой,
черпали мне
синее вино,
с черным трютом
смешано;

сыпали мне
из тощих колчанов
нечестивых толковин
крупный жемчуг на грудь,
якобы улажая мя.

А меж тем —
уже и кровля без князька
в моем тереме златоверхом!..

Всю ночь с вечера
черные вброны граляли..
А у Плеснеска, на поречьи,
шли похоронные сани —
волокли их
к Синему морю“.

И отмовили бояре князю:
„Да уже, князь,
ведь скорбь душу обуяла! —
не двое ль соколов слетело
с золотого престола отца —
чтобы града добыть Тмуроканя,

либо испить
золотым шлемом Дону!
А уже соколám
крылышки подрезаны
саблями половецкими,
да и самих опутали
пúтом железным!"

На реке ль на Каяле
тьма свет прикрыла:
стало темно
в третий день! —
то два солнца померкли,
оба пламенные столпа погасли,
а с ними два молодые месяца —
Олег и Святослав —
тьмою поволоклися
и в море потонули,
словно барсово гнездо,
и великую дерзость
придали хановью!

По Русской земле
простерлися половцы!
Уж пересилила
хула хвалу,
уже сразила
Неволя Волю —
ринулся дикий
на Русскую землю.
И вот уже готские красные девы

запели на бреге Синего моря,
звоня русским златом!
Поминают смерть
князя русского Бóжа,—
славят и отмщенье за Шарухана.
А нам с вами, дружина,
только жаждать веселья!..

Тогда
тот ли великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешано,
и сказал:

„О моя чада!
Игорь и Всеволод!
В злой час принялись вы
Половецкой земле

мечом обиду творить —
себе славы искать!
А и не в честь вы

сперва одолели,
не в честь кровь поганых пролили!..
Храбрые ваши сердца
в жестоком пламени кованы,
отвагою закалены.
Но только сказали вы:

„Отважимся сами —
и грядущую славу стяжаем,
и с предками славу разделим!“
Это ли сотворили

моей серебряной седине?

А разве бы диво было
ста́ру помолодеть?!
Когда сокол перемужает —
высоко́ птицъ взбивает,
уж не даст
гнезда своего в обиду.
Но вот зло:
князья мне не в помощь!
Даже и брата своего
Ярослава не вижу —
сильного властью, богатого,
многово́йского,
с черниговскими его бояры,
и с Татранами,
и с Ольбе́рами,
и с То́рками ли —
с реву́гами,—
с бойцами, что без щитов,
с одним ножом засапожным,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу...
Ни во что старейшинство обратилось!*

Не у Римова ль то́ кричат
под саблями половецкими?!
Князь Владимир — под ранами! —
Му́ка и скорбь — сыну Глебову!
Великий князь Всеволод!
И не в мыслях твоих
прилететь издалече —
отчий збо́лот престол защитить!..

А ведь Волгу мог бы
веслами бойцов разбрызгать,
Дон — шлемами вычерпать!
Если б ты пришел —
невольница была б ценой в ногату,
невольник — по ре́зане!
Ибо можешь ты посуху
не стрелы ли метать живые —
удалых сынов Глебовых!

Ты, буй Рюрик!
и ты, Давыд!

Не ваша ли храбрая дружина
по самые золотые шлемы
в крови вражьей шла?!
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, будто туры,
ранены саблями калеными
на поле незнаемом! —
Вступите ж, государи,
в золотое стремя,

отмстите
за обиды сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы —
бурного Святославича!

Галицкий

Осмомысл Ярослав!
Высо́ко сидишь ты
на златокованном престоле! —
подпер горы Карпатские

железными полками,
королю Мадьярскому заградил путь,
затворил Дуная ворота,
простер власть свою и в заблачье,
судь творить до Дуная!
Грозы твои по землям текут:
и Киева отворяешь врата!
Стреляешь султанов за землями
с золотого престола! —
стреляй же, государь, Кончакá,
поганого Кощея —
за землю Русскую,
за раны Игоревы —
бурного Святославича!

А ты, буй Роман,
ты, Мстислав!
Храбрая мысль
стремит ваше сердце
в битву!
Реешь высоко,
Роман,
на битву, в буести,
словно сокол
на вѣтрах ширяющий,
хотящий птицу,
буйный, одолеть!
Не у вас ли
оплечья железные
под шеломами латинскими?!
От них гремела земля,
и многие страны —

Хиновá,
Литва,
Ятвяги,
Деремѣла и Половцы —
и копья свои повергли,
и головы свои подклонили
под те ль мечи
харалужные!

Но уже, князья,
Игорю померк солнца свет!
И дерево не добром
листву сронило! —
А Игорева храброго полку
не воскресить!..

Дон ведь, князья,
к вам кличет —
сзывает князей войною!
Ольговичи,
храбрые князи, —
те рьяны на бой!..

Ингварь и Всѣволод,
И все три Мстиславича!
А будто не худá гнездá шестикрыльцы!
Не Игоря ли злым жребием
себе волости расхитили?! —
По Росí, по Сулѣ
города поделили?!
На тó ль ваши златые шеломы,
и копья ляшские, и щиты?!

Половцам
заградите ворота
своими острыми стрелами —
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
бурного Святославича!

Уже и Сула
не серебряною течет струею
к городу Переясла́влю!
И Двина
под кликом поганых
уже болотом течет
к Полоцку,

грозному когда-то.
Один лишь Изяслав,
сын Василькóв,
позвонил чуть
своим острым мечом
о шелома литовские
да и омрачил
славу деду своему Всеславу!
И сам
под багряным щитом
на кровавой траве,
сражен литовскими мечами,
лишь могилу добыл, юный!..
И пронел Боян:

„Князь!

Дружину твою
птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!“

Не было тут
ни брата Брючислава,
ни другого — Всеволода:
один ты изронил
жемчужну душу
из храбра тела
через злато ожерелье!..

Бессильно слово!
Померкло веселье —
воют трубы в Гродно
по убиту!..

Ярослав
и все внуки Всеслава,
преклонить вам знамя свое!
Спрячьте в но́жны
мечи посрамленные!
Ибо отвержены вы
от дедовской славы!
Это вы

своими крамолами
принялись наводить поганых
на землю Русскую,
отчизну Всеслава:
из-за распрей ведь ваших —
от земли Половецкой!
насилье

На том ли веке Боян
метнул Всеслав жребий
о девице ему любой.
На волшбу опираясь,

Всеслав добыл - таки
града Киева
и доткнулся копьем
золотого престола киевского!
А и прынул от них
лютым зверем!
Во полуночи — из Белаграда —
обнял синее облако —
и наутро ж грянул в секиры —
разверз врата Новуграду,
расшиб славу Ярославу!
Волком скакнул —
с Дудуток до Немиги!

А там,
на Немиге:
снопы стелют — головами!
молотят — цепами булатными!
на току — жизнь кладут!
веют — душу от тела!
Немиги кровавый берег
не житом
тогда был посеян —
посеян
костьми русских сынов!

Всеслав-князь
и суды творил,
и князьям города ядил,
а сам ночью
волком рыскал:
из Киева, к петухам,
дорыскивал Тмутороканя!

Солнцу Великому
волком путь перерыскивал!
Ему в Полоцке
позвонили к заутренней —
рано,
у святой Софии
в колокола,
а он
и в Киеве звон слышал!
Колдовская была душа
и не одним телом обладала! —
а в войнах много страдал он!
О нем веший Боян,
еще и древле,
песню, прозорливец, пропел:
„Ни колдуну,
ни удалому,
ни тому, что птицы быстрей,
от судьбы божьей не уйти!“

О!
стонать Русской земле,
вспомняв про старое время
и прежних князей!
Того старого Владимира
и пригвоздить нельзя было
к горам Киевским!
Увы! —
а нынче полки его:
те — Рюриковы,
а другие — Давыдовы!

И враждебно
их бунчуки реют,
врозь дружины поют!..

На Дунае
Ярославни голос слышен...
Зегзицею
незнаемой

на збрых кычет.
„Полечу,—
рыдает,—

я зегзицею по Дунаю —
Омочу бегрян рукав.
У Каялы-реки
утру князю кровавые его раны
на истерзанном теле!“

На збрых Ярославна кличет,
в Путивле
на кремлевской стрелнице,
рыдая.

„О Ветер-ветрило!
пошто, государь мой,
враждебно веешь?

К чему половецкие
мечешь стрелы
на своих неустанных крыльях
на моего лады войско?!
Или мало тебе —

там, под облаками, веять,
корабли лелея
в синем море?!

За что,
государь,
ты радость и счастье мое
по ковылю развеял?!“
На зорях Ярославна кличет,
в Путивле,
на кремлевской стрелнице,
рыдая:

„О Днепро Словутич!
Ты пробился
и сквозь каменные горы,
через землю Половецкую,
ты, лелея, нес на себе
корабли Святослава
на сраженье с Кобяком,—
прилелей,
государь,
моего ладу ко мне! —
дабы не слала к нему слез,
на збрых, к морю!..“

Ярославна рано кличет,
в Путивле,
на кремлевской стрелнице,
рыдая:

„Светлое
и пресветлое солнце!
Всем тепло и красно еси!
что же ты,
государь мой,
жестокий луч обратило
против лады воинов?!

В степи безводной
жаждою тетивы иссушило,
мúкою
колчаны замкнуло!*

В полночь море взбушевало!
Идет мрак облаками, —
не князю ли то Игорю
бог путь кажет
из земли Половецкой —
на землю Русскую,
к златоотческому престолу?..

Погасли вéчера зóри.
Игорь спит — Игорь не спит:
Игорь мыслию поля мерит —
от Великого Дона
до малого Донца.
Коней во полуночи
свистнул Овлур за рекою —
велит князю разумети:

„Князю Игорю — пора!“

Кликнул,
топнул об землю...
прошумела трава...

От кибитки половецкой
отдались —

и поскакал Игорь-князь
в тростники — горностаем,
белым гоголем — на воду!..
Пал на бóрза коня,
а спрыгнул с него
серым волком

и помчался к лугу Донца,
полетел соколом
под облаками,

избывая гусей-лебедей
к завтраку,
и обеду,
и — úжину!..
А если Игорь соколом полетел —
тогда Овлур волком помчал,
кладя след по студеной росе! —
надорвали бо

своих ретивых коней!

Тут сказал Донец:

„О Игорь-князь!
А и немало тебе хвалы,
а Кончаку — злой досады,
а Русской земле — веселня!“

Игорь — в ответ:

„Дон ты мой!
А немало и тебе славы,
Кто лелеял князя на волнах,
постилал зеленую постель
на серебряном своем брёге,
одевал князя
теплыми туманами
под сенью зéлена дрéва,
стерег его —
гоголем на воде,
чернядьми — на стру́ях,
чайками — на вéтрах“.

„Не такова, —
сказал, —
река Стугна:

тощую струю имела,
но пожрала чужие струи
и погубила юного в пасти:
юношу князя Ростислава
предала!..

...На бреге скорбном Днепра
плачется мати Ростислава
по юноше-князе Ростиславе...
Цветы почернели от скорби!
Дерево в тоске

к земле припало!..“

То не сороки вострескотали —
то на следу Игореве
ездят Гза с Кончаком!
тут вóроны не гра́яли,
галки позамолкли,
сороки не трескотали —
одни змеи ползали только!..
Дятлы стукотком

Игорю-князю
путь к реке кажут!
Соловьи
радостною песнею
свет возвещают!..

Тут промолвил Гза Кончаку:
„Если сокол в гнездо летит —

соколенка расстреляем-ка
своими золочеными стрелами!“

Отмолвил Кончак Гзе:
„Если сокол в гнездо летит,
опутаем-ка мы соколенка
красною дэвицею!“

И снова — Гза Кончаку:
„Если его опута́ем, де,
красною дэвицею —
ни соколя́ нам тут будет,
ни нам — красной дэвицы!
Тут начнут нас
и птицы бить в поле Половецком!“

Спел Боян —
словно к походам Святославича! —
песнотворец старого времени,
Ярославова, Олегова,
княжой любимец:

„Тяжко и голове,
лишенной плеч,
а зло и телу
без головы!“ —
Русской земле — без Игоря!

...Солнце светится на небесах,
Игорь-князь — в Русской земле!
Дэвицы поют на Дунае —
голоса вьются
через море до Киева!

Игорь едет по Боричеву —
к святой богородице Пирогощей.
Страны рады!
Грады вёселы!..

Спели песнь старым князьям,
а потом молодым споем!
Слава Игорю Святославичу!
Слава буй-тур Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здрав,
здрав буди,
княже, и дружина,
поборая поганые полки
за землю Русскую!..

ПРИМЕЧАНИЯ

о полку. Слово „плѣкъ“, „пѣлъкъ“, „полкъ“ имело в древнерусском языке несколько значений: поход, войско, сражение, сборище и народ. В данном случае „полкъ“ означает „поход“.

Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. Игорь Святославич, князь новгород-северский, родился в 1151 г. Он был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича („Гориславича“) Черниговского. Князем в Новгороде Северском (небольшой город на восточной окраине Черниговской земли) Игорь стал в 1179 г. В 1198 г., после смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского, Игорь стал князем в Чернигове. В 1202 г. Игорь умер.

трудныхъ повѣстий. По-древнерусски слово „труд“ означало не только работу, но и подвиг, заботу, страдание, скорбь, горе (ср. ниже: „синее вино съ трудомъ смѣшено“), боль, болезнь, недуг. Прилагательное „трудныхъ“ мы переводим в данном случае как „печальных“, однако допустим и такой перевод — „воинских“, „ратных“ (от „труд“ — „ратный подвиг“).

Боянь. Боян упоминается только в „Слове о полку Игореве“. В других древнерусских сочи-

нениях (например, в летописи) о нем ничего не говорится. Из упоминаний в „Слове“ князей, которым пел славу Боян, можно заключить, что он жил во второй половине XI века. Автор „Слова“ прекрасно изображает поэтическую манеру Бояна. Его песни пелись во славу князей. Он сам слагал свои песни. Исполняя их, он аккомпанировал себе на каком-то музыкальном инструменте — повидимому, на гусях.

старому Ярославу. Здесь говорится о Ярославе Владимировиче Мудром (ум. в 1054 г.). Ярослав был деятельный князь. При нем еще сохранялось в основном государственное единство Руси. Он успешно отбивал от русских границ кочевников. Он обстроил Киев великолепными зданиями. При нем высокого развития достигли литература, ораторское искусство, ремесло. Прочным и могущественным было при нем и международное положение Руси.

храброму Мстиславу, иже зарѣза Гедедо предѣ пълки касожьскими. Речь здесь идет о знаменитом черниговском и тмутороканском князе Мстиславе Владимировиче Великом — брате Ярослава Мудрого, умершем в 1036 г. В „Повести временных лет“ под 1022 г. рассказывается о его единоборстве с касожским князем Редедю. Мстислав и Редедя вызвали друг друга на единоборство. Борющиеся вышли перед своими войсками. В борьбе победил Мстислав. Он бросил Редедю на землю и зарезал его на глазах у обоих войск. —

Касоги неоднократно упоминаются в летописи. Это племя, населявшее область Северного Кавказа. Обычно они отождествляются с черкесами-адыге.

красному Ромакови Святъславличю. Роман Святославич, князь тмутороканский, — внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича и брат Олега „Гориславича“ Черниговского — деда Игоря Святославича. Роман был убит в 1079 г.

отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, т. е. от Владимира Святославича (ум. в 1015 г.) до Игоря Святославича Новгород-северского. Определения исторических периодов по княжениям обычны в древней русской литературе. Ср. в „Слове о погибели Русской земли“: „от великого Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава“.

Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тѣмюю вся своя воя прикрыты. Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г.; у Донца оно видно было в 3 ч. 25 м. по киевскому времени. Солнечные затмения служили, по поверьям древней Руси, предзнаменованием несчастий — главным образом нашествий иноземцев. — Многие ученые убедительно доказывают, что абзац, начинающийся словами „Тогда Игорь“, мог попасть не на место, и предполагают его первоначальное местонахождение после слов „ищучи себе чти, а князю славу“. Однако как бы убедительно ни

доказывалась возможность перестановки, — возможность не есть еще ее необходимость. Текст „Слова“ ясен и без этой перестановки; необходимости в ней нет. Перестановка, кроме того, противоречит соответствующему месту Ипатьевской летописи и соответствующему месту „Задонщины“.

Хощу бо, — рече, — копие приложити. . . съ вами, русици, хощу главу свою приложити. Выражение „копье приложить“ было обычным в воинском обиходе древней Руси. Оно означало: „вступить в единоборство“, „начать битву“. Битву начинал обычно сам князь. Выражение „съ вами. . . хощу главу свою приложити“ также обычно в военной терминологии древней Руси. Перед битвой с врагом князь обычно обещает дружине сложить свою голову вместе с дружиной. Дружина обещает князю тоже сложить с ним вместе голову. Отсюда ясно, что обычное в изданиях отнесение слов „съ вами“ к словам „копие приложити“ неверно. Первые издатели (в издании 1800 г.) поступили неправильно, не отнеся слова „съ вами“ к словам „хощу главу свою приложити“ и не сохранив, таким образом, обычный в древней Руси мужественный обет воинов перед битвой умереть всем вместе.

конец поля Половецкаго. „Конец“ в древнерусском языке не означает непременно „окончание“. В данном случае слово „конец“ равносильно слову „оконечность“, „граница“ и точнее всего

может быть переведено словом „начало“, так как здесь, конечно, разумеется ближайшая к Руси „оконечность“ Половецкой земли.

а любо испити шелоомь Дону. В древней Руси обычным символом победы над какою-либо страной было питье шлемом воды из ее реки. Выражение „испить шлемом из реки“ нередко встречается в древнерусской письменности в одном и том же значении победы. Ср. в летописи: „тогда Володимер Мономах пил золотом шелоом Дону, и приемше землю их всю, и загнавшу оканьныя агаряны (окаянныя половцев)“ (Ипатьевская летопись под 1201 г.).

въ тропу Трояню. Троян упоминается в „Слове“ еще три раза: „были вѣчи Трояни“, „на землю Трояню“ и „на сѣдьмомъ вѣщѣ Трояни“. Ученые по-разному определяли, кто такой был Троян. До сих пор остается совершенно неясным происхождение этого имени (от римского ли императора Трояна, от древнегреческого ли города Трои и т. п.). Мы считаем, что, независимо от происхождения самого имени „Трояна“, кого имеет в виду автор „Слова“ под Трояном — более или менее ясно: Троян дважды упоминается в древнерусской письменности как языческий бог. Языческого русского бога и имеет в виду автор „Слова“. „Рица въ тропу Трояню“ означает „носясь по божественным путям“; „были вѣчи Трояни“ означает „были века язычества“; „на землю Трояню“ означает „на Русскую землю“ (именно в этом же смысле русский

народ называется ниже в „Слове“ „Дажьбожим внуком“); „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“ означает „на последнем веке язычества“. Языческие древнерусские боги неоднократно упоминаются в „Слове“ (Велес, Дажьбог, Стрибог). Автор „Слова“ — конечно, христианин; старых же русских богов он упоминает только как поэтические символы, как художественные обобщения.

вѣщей Бояне, Велесовъ внуце. Велес или Волос — „скотий бог“ (упоминается в летописи под 907, 971 и другими годами). Повидимому, Велес-Волос считался также покровителем певцов-поэтов, пастушеским богом и богом поэзии одновременно. Характерно отражение пережитков древнего родового общественного строя в представлениях автора „Слова“ о языческих богах. Люди и стихии — потомки, внуки богов. Боги — деды. Боян — внук Велеса; ветры — внуки Стрибога; русский народ — внук Дажьбога.

комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ. Половецкое войско было войском конным. Приближение конного войска степняков поражало обычно скрипом телег (ср. ниже: „крычатъ тѣлѣгы полунощы“) и ржанием коней (в летописи о приблизившемся к Киеву войске Батыя говорится: „и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревеня вельблуд его, и ржания от гласа стад конь его“). — Сула (левый приток Днепра) была наиболее близкой и опасной к Киеву границей Половецкой степи. В целом

фраза эта, в которой передается поэтическая манера Бояна прославлять победы русского оружия, означает следующее: „только враги подошли к границам Руси, как слава русской победы над ними уже звенит в Киеве“.

въ Новѣградѣ. Здесь имеется в виду Новгород Северский — в Черниговской земле на реке Десне. Северским он называется потому, что находился в стране северян (одно из древнерусских племен).

въ Путивль. Путивль — небольшой город на нижнем течении реки Сейма. Путивль находился в составе Новгород-северского княжества, на юге от Новгорода Северского, по пути из Новгорода Северского в степь. В нем княжил сын Игоря Святославича Владимир.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. Всеволод — родной брат Игоря Святославича, князь трубчевский и курский (умер в 1196 г.). Летописец так характеризует Всеволода Святославича; „Во олговичех всех удалее рожаемъ и воспитаемъ, и возрастом (ростом) и всею добротою и мужественною доблестью и любовь имеаше ко всемъ. Игорь два дня ждал Всеволода у реки Оскола. Всеволод шел к Осколу иным путем из Курска.

буй турь. Тур в древней Руси был символом мужества и силы (в летописи, например, сказано о Романе Мстиславиче Галицком: „храбор бе яко и тур“).

у *Курьска*. Курск расположен в верхних Сейма на берегах рек Тускари и Кура (от последней и название — Курск). Курск имел пограничное значение: он находился недалеко от Половецкой степи.

кмети. Слово „кмети“ первоначально означало мелких землевладельцев. Эти мелкие землевладельцы постепенно становились мелкими феодалами, служилыми людьми, входили в состав княжеской дружины. К XII веку слово „кмети“ утратило уже свое первоначальное значение „мелкие землевладельцы“ и приобрело значение „лучшие, отборные воины“. В таком смысле оно употребляется и в „Слове о полку Игореве“.

луци у нихъ напряжени. Лук обычно держался с ослабленной тетивой. Перед боем тетива напрягалась.

свистъ звѣринъ въста. Из зверей свистят только байбаки и суслики, густо заселявшие тогда еще распаханную Половецкую степь.

збися дивъ, кличетъ врѣху древа. Слово „див“ не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает „дива“ мифическим существом (чем-то вроде лешего или вещей птицы). В „Слове о полку Игореве“ „див“ предупреждает враждебные Руси страны, это божество восточных народов, сочувствующее им, а не Руси. Впрочем, следует отметить, что в настоящее время

делаются попытки искать объяснения этого слова не в мифологических представлениях восточных народов, а в названии половцев или сторожей-караульщиков, якобы называвшихся „дивами“; однако эти объяснения пока не могут быть обоснованы лингвистически.

Тьмутороканьскый. Тмуторокань находилась в районе нынешней Тамани, на северном берегу Черного моря. Область эта в X веке известна по византийским историческим источникам под названием Таматархи. В XI веке Тмуторокань была русским княжеством, с многочисленным русским населением. Она была тесно связана с Черниговским княжеством, управлялась черниговскими князьями. Вот почему Игорь Святославич рассматривал Тмуторокань как „отчину“ (наследственный удел) черниговских князей и конечную целью своего похода ставил возвращение Тмуторокани из-под владычества половцев, которыми она была отторгнута от Руси во второй половине XI века.

и Посулию. Посулие — пограничная с Половецкой степью область по реке Суле (левый приток Днепра, южнее Киева).

и Сурожу. Город Сурож — ныне Судак, в Крыму. Важный торговый центр.

и Корсуню. Корсунь — греческая колония Херсонес в Крыму (недалеко от нынешнего Севастополя).

и тебѣ, Тьмутараканьскій бѣлванъ. Что такое этот „бѣлванъ“? Повидимому, это идол, ступа, статуя. Около Тамани еще до самого XVIII столетия стояли две огромные статуи божеств Сатерга и Астарты, воздвигнутые в III веке до н. э. Возможно, что речь идет об одной из таких статуй.

А половцы неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. В XI—XII веках перед выступлением в поход большого войска обычно чинились дороги и прокладывались по болотистым местам гати („мосты“) — „требился путь и мостились мосты“. Половцы двигались, очевидно, с большой поспешностью — „неготовами дорогами“. „Бежать“ в древней Руси означало не „спасаться бегством“, а быстро передвигаться. В данном случае половцы двигаются навстречу Игорю (если бы они спасались бегством, то зачем было бы упоминать, что они двигались „неготовами дорогами“, так как дороги подготавливались только перед выступлением в поход).

крячатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди ропущени. Кочевники не смазывали колеса своих телег. Движение многих телег в степи поднимало громкий, далеко слышимый в степи, особенно тихими ночами, скрип.

Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию. Хищные птицы и хищные звери в древности часто следовали за войском, поджидая добычу на поле битвы. Некоторые исследователи предлагают чи-

тать вместо слов „уже бо бѣды его пасеть птиць подобию“ (так в первом издании) — „уже бо бѣды его пасеть птиць под об(олоч)ню“, предполагая, что буквы „олоч“ были выносными и при переписке выпали. Отметим, что исправление это вполне приемлемо. В „Задонщине“ (памятник, испытавший на себе влияние „Слова о полку Игореве“) в соответствующем месте читаем: „А уже беды их пасоша птица крилати под облакы“. Образ разлетающихся по подобию птиц для выражения горя или надвигающейся опасности неоднократно встречается в фольклоре.

потопташа поганья плѣкы половецкыя. Выражение „потопташа“ — военный термин древней Руси, означавший „рассеяли боевые порядки“, „разрушили боевое построение полков“.

и паволокы, и драгыя оксамиты. Паволоки и оксамиты — шелковые ткани, выделявавшиеся в Византии и высоко ценившиеся всюду в Европе. Особенно ценился оксамит (вернее „гексамит“, что по-гречески означает „шестинитчатый“). Эта ткань, представлявшая собою род бархата, была богато украшена орнаментом, обычно фантастическими, стилизованными изображениями зверей и птиц в круглых медальонах.

Орьтъмами. „Орьтъма“ — по крышка, попона, покрывало. „Орьтъма“ — слово тюркского происхождения.

япончицами — накидками, плащами.

кожухы. Кожух — верхняя одежда, подбитая мехом (иногда дорогим) и крытая дорогими тканями (оксамитом, оловиром и др., иногда шитыми „сухим“ золотом — золотыми нитями).

чрлена чолка — бунчук; конский хвост на древке, служивший знаком власти.

Гзакъ... Кончакъ — половецкие ханы. Особенно энергичным противником русских постоянно выступал хан Кончак Отрокович, неоднократно ходивший на Русь походами.

Гзакъ бежитъ сбрымъ влѣкомъ. Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому. В первой схватке войска Игоря не встретили главных сил половцев. Главные силы под предводительством Гзы и Кончака подоспели только на следующий день. Кончак выступает главным предводителем половцев: он „правит след“ Гзе — Гза бежит к Дону по следу войска Кончака. Как и перед первой битвой, половцы двигаются, следовательно, к Дону навстречу Игорю, а не бегут от него.

хотять прикрыти 4 солнца. Как мы знаем из летописи, в походе Игоря, кроме Игоря и его брата Всеволода, участвовали: Святослав Ольгович Рыльский (племянник Игоря и Всеволода) и Владимир (сын Игоря). В древней Руси в „славах“, которые пелись князьям, и в различных других случаях князья часто сравниваются с солнцем.

Стрибожи внуци. Стрибог — один из языческих русских богов. Он упоминается в летописи в числе богов, поставленных Владимиром I Святославичем в 980 г. в Киеве „на холме вне двора теремного“. Повидимому, Стрибог был богом ветра.

стязи глаголють. Движением стягов управляли войском в битве. Вокруг стягов собирались „стягивались“ воины. За стягом двигалось войско. По движению стягов половцев войска Игоря определяют, как много войск половцев наступает на них со всех сторон. Среди поднятой движением масс половецкого войска пыли высокие стяги были к тому же видны лучше, чем самое войско.

мечи харалужными. Неоднократно встречающееся в „Слове“ прилагательное „харалужный“ и существительное „харалуг“, повидимому, означают „булатный“, „булат“. Происхождение слова „харалуг“, „харалужный“ остается до сих пор неясным.

аварьскыя. Авары известны в Повести временных лет под именем „обров“. Авары появились на северных берегах Черного моря в V веке. Летописец отмечает полное исчезновение этого племени („погибоша аки обры“) в IX веке.

отня злата стола. Князь Всеволод Святославич был сыном Святослава Ольговича (ум. в 1164 г.) — князя черниговского. В 1185 г.

черниговский стол занимал Ярослав Всеволодович.

красныя Глѣбовны. Ольга Глебовна — жена буй тура Всеволода Святославича, дочь Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого и сестра Владимира Глебовича Переяславского.

плѣци Олговы. Здесь имеются в виду братоубийственные войны (походы — „плѣци“) Олега Святославича („Гориславича“) — родоначальника черниговских ольговичей и постоянного противника Владимира Мономаха. Олег Святославич был дедом Игоря Святославича Новгород-северского и Всеволода буй тура. Олег упоминается здесь не случайно. Политику Игоря автор рассматривает как политику „родовую“, ведущую свое начало от Олега. Так, ниже, говоря о полоцких князьях, автор „Слова“ вспоминает их родоначальника — Всеслава. Олег Святославич — обобщающий образ всех князей „ольговичей“, как Всеслав — обобщающий образ всех князей „всеславичей“.

той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Ярослав Мудрый и Владимир Мономах в „Слове“ (и в летописях XII—XIII веков) часто поминаются как „идеальные“ старые князья — представители единой Руси, подобно тому как Олег Святославич — обобщающий образ князей-крамольников. Ярослав уже „слышал“ шум княжеских раздоров (см. приписы-

ваемое ему в Повести временных лет под 1055 г. завещание, где он предостерегал своих наследников от братоубийственных войн). При Владимире Мономахе этот звон настолько усилился из-за действий его многолетнего противника Олега „Гориславича“, что Владимир принужден был даже закладывать себе уши.

Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе. Борис Вячеславич — внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича. Битва, в которой Борис Вячеславич был убит, произошла при следующих обстоятельствах. В 1077 г. Олег Святославич („Гориславич“), родоначальник князей ольговичей, лишился своей отчины — Чернигова: в Чернигове сел отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич. Олег бежал в Тмуторокань, собрал там войско, в том числе и половцев, вернулся на Русь и изгнал Всеволода. В отсутствие Олега Всеволод Ярославич с сыном своим Владимиром Мономахом и киевский князь Изяслав Ярославич с сыном Ярополком соединенными силами обступили Чернигов. Олег Святославич и Борис Вячеславич направились к Чернигову. Изяслав и Всеволод выступили против них. Олег не надеялся победить четырех князей, но Борис „похвалился вельми“ один победить своих противников. Битва произошла близ Чернигова, „у села на Нежатиной Ниве“. В битве первым пал Борис Вячеславич, на противной стороне — Изяслав. Олег с остатками дружины вновь бежал в Тмуторокань, а отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич сел на

киевском столе. — Смерть в бою часто рассматривалась в древней Руси как суд; также и в устном народном творчестве (ср. в былинe: „Илье-то было не к суду пришло“ — не к смерти).

на Канину. Канина — река, протекавшая около Чернигова, — там, где была битва, в которой погиб Борис Вячеславич. — Канина однажды упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 г.

зелену паполому постла. Паполома — погребальное покрывало, обычно черного цвета. Под зеленой паполемой подразумевается трава. Трупы убитых, зарастающие травой, — обычный образ народной поэзии.

храбра и млада князя. Эти слова, повидимому, относятся к Борису Вячеславичу, хотя некоторые исследователи относят их к Олегу Святославичу.

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелъ яти отца своего между угорьскими иноходьци ко святыи Софии къ Киеву. Отец Святополка Изяславича Изяслав Ярославич был убит в 1078 г. близ Чернигова в той же битве на Нежатиной Ниве, где был убит и Борис Вячеславич, сражаясь против Олега Святославича и Бориса Вячеславича. Его сын Святополк в битве не участвовал. По одним данным, он похоронил своего отца в Десятинной церкви в Киеве, а по другим (Софийская первая летопись и „Слово о полку Игореве“) — в киевском храме Софии.

между угорьскими иноходьци. Иноходцем называется лошадь, выдрессированная бежать особым аллюром, при котором одновременно выносятся сначала обе ноги правые, а затем обе левые. При таком аллюре езда на верховой лошади гораздо спокойнее. Иноходцев использовали при перевозке на носилках раненых и мертвых. Носилки прикреплялись при этом длинными шестами к двум иноходцам, бегущим гуськом — друг за другом.

при Олѣ Гориславличи — т. е. при Олеге Святославиче (ум. в 1115 г.), родоначальнике князей „ольговичей“, принесшем много горя Русской земле своими войнами против Владимира Мономаха и постоянными наводениями на Русскую землю своих союзников — половцев. Это-то принесенное русскому народу Олегом горе и вызвало его прозвание „Гориславич“.

Дажьдбожа внука. Дажьдбог — один из русских языческих богов. Под внуком Дажьдбога имеются в виду русские.

Игорь плъкъ заворочаетъ. Здесь намек на обстоятельства пленения Игоря: Игорь погнался за побежавшими полками ковуев, чтобы повернуть, остановить их, отдалился от своего войска и был взят в плен.

жаль бо ему мила брата Всеволода. Летопись описывает, что, уже захваченный в плен и свя-

занный, Игорь видел своего брата Всеволода и жалел его: „Держим же Игорь, виде брата своего Всеволода крепко борюцаяся, и проси души своей смерти, яко да бы не видел падения брата своего“ (Ипатьевская летопись).

Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Согласно Ипатьевской летописи, битва началась с утра в пятницу, длилась всю субботу и закончилась в воскресенье. Согласно Лаврентьевской летописи, русские „бишася 2 дни“. В счете Ипатьевской летописи и Лаврентьевской нет противоречия, так как в третий день, в сущности, все было уже кончено. Битва продолжалась двое суток с небольшим.

сваты попошша, а сами полегоша за землю Рускую. Предводитель половцев хан Кончак был действительно сватом Игоря. Сын Игоря Владимир был помолвлен с дочерью Кончака.

Встала обида... вступила дьвою... всплескала лебединими крылы. Образ девы-обиды, лебеди-девушки, плещущей лебединими крыльями, типично фольклорный: „Эта белая лебедушка поднималась от синя моря на своих крылах лебединых, садилась она на черлен корабль, обернулась красною девицей“ (Рыбников, стр. 207); „знать Судинушка (ср. в „Слове“ — „обида“) по бережку ходила, страшно-ужасно голосом водила, во длани Судинушка плескала“ (Барсов, „Причи-

тания...“, 1, стр. 252); „белой лебедью воскликати, красной девицей восплакати“ (Шейн, „Великорус“, № 1316), и мн. др.

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Повидимому, Карна — олицетворение кары и скорби (от древнерусского слова „кара“, „карание“, „карьба“). Жля — то же, что и „желя“, — плач по убитым. „Желя“ неоднократно упоминается в летописи, между прочим как раз в описании поражения Игоря: „И тако, во день святого воскресения наведе на ны плачь и во веселне место же лю, на реце Каялы“ (Ипатьевская летопись). Выражение „Слова“ „кликну Карна, и Жля носкочи“ ср. со следующим в Псковской первой летописи: „правда их... взлетела на небо, и кривда начаша в них ходити“.

смагу людемъ мычючи. Смага — огонь, пламя, сухость, жар. Здесь может иметься в виду какой-либо погребальный обычай.

Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святъславъ... Здесь, несомненно, говорится о „лже“, коварстве половцев. „Коварство“ это было замечено походом Святослава 1184 г. и вновь „разбужено“ поражением Игоря.

отецъ ихъ — Святославъ. Речь идет о Святославе Всеволодовиче Киевском, сыне Всеволода

Ольговича, двоюродном брате Игоря и Всеволода Святославичей. Отцом Игоря и Всеволода Святослав назван как их феодальный глава.

А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желъзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гриднищъ Святъслава. Половецкий хан Кобяк был захвачен в плен в походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского 1183 г. Русские взяли тогда 7000 пленных. Кроме Кобяка, попали в плен к русским и другие половецкие ханы и знатные половцы. У Азовского лукоморья находились главные зимние кочевья половецких орд, объединенных ханом Кобяком. — Гриднищей называлась большая пиршественная зала, где сходились „гриди“ — дружинники князя. В XII веке, в период феодальной раздробленности, княжеские пиры были гораздо скромнее по размерам, чем в XI веке, и устраивались по большей части на сених. Помещения же гриднищ часто использовались для заключения пленных.

Уныши бо градомъ забрали. Забрали городских стен — это их верхняя часть, переходы, где сосредоточивались защитники во время осады. В более узком значении — это бруствер, защищавший находившихся наверху стен воинов.

безъ кнѣса. „Кнѣс“ — князек, т. е. перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или „ма-тица“, на которой держатся доски потолка.

У Плѣсьнска. Вряд ли здесь разумеется Плесеньск — город в Галичском княжестве; скорее это какая-то местность под Киевом.

на болони. „Болоние“ — свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно легче простреливалось со стен.

а самую опуташа въ путины желъзны. „Путы“, или „путины“, надевались на ноги ловчим птицам, чтобы они не улетели. Позднее эти „путы“ назывались „ногавками“. См. также ниже: „соколца опутаевъ“, „аще его опутаевъ“.

Темно бо бѣ въ 3 день. Битва, согласно Ипатьевской летописи, закончилась на третий день — в воскресенье.

Два солнца помѣркости. Здесь речь идет об Игоре и Всеволоде. Сравнения князя с солнцем были обычны в устной традиции.

и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъслава. Олег — это сын Игоря, родившийся в 1175 г., Святослав — племянник Игоря, князь Гыльский. Не назван Владимир — старший сын Игоря, несомненный участник похода Игоря. Владимир женился в плену на дочери хана Кончака. Следовательно, его не могли рассматривать в Киеве, как жертву похода. Вряд ли, в самом деле, было бы уместно говорить о Владимире как

о померкшем месяце в то самое время, когда в ставке Кончака ему пелась свадебная слава.

и великое буйство подаста хинови. Предлагалось понимать „хинов“ и как финнов и как гуннов. Повидимому, „хинове“ — название каких-то сказочных восточных народов. Дело в том, что в античности и в Византии под названием „чин“, „син“ или „хин“ были известны китайцы (указание И. М. Кудрявцева). Это название китайцев встречается и в Космографии Козьмы Индикоплова, и в „Хождении за три моря“ Афанасия Никитина (у последнего в форме „чин“, „чини“). В „Слове о полку Игореве“ слово „хинове“ не означает, конечно, точно китайцев; Китай не был известен Руси в XII веке. Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неясные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через „ученую“ литературу „космографий“. Подобно тому как победы Руси встречают радостный отклик у венецианцев, моравов, греков, немцев, так и победы половцев вызывают радостное возбуждение („великое буйство“) у далеких восточных народов, которых на Руси представляли себе неясно, — „хинова“ и готов (см. ниже).

на Каяль. „Каяла“ неоднократно упоминается в „Слове“ как место поражения Игоря. Какая река называлась в XII веке Каялой — точно не установлено. Возможно, это название нарицательное — река „каiania“, река скорби (предположение Л. А. Дмитриева). Следует, впрочем, отметить,

что в Ипатьевской летописи место поражения Игоря Святославича также определено на реке „Каялы“; летопись же редко прибегает к поэтическому иносказанию, когда говорит о географических понятиях. Возможно, что название это тюркское (как и некоторых других рек Половецкой степи): „Каялы“, т. е. „каменистая“.

акы пардуже гнѣздо. Пардус — гепард, крупный зверь из зоологического семейства кошачьих (не смешивать с барсом, с леопардом и др.). Пардусы в диком состоянии на Руси не водились. Их привозили на Русь в качестве охотничьих зверей. Эти охотничьи звери выходили на охоту либо в одиночку, либо парой, либо „гнездом“ (т. е. выводком).

Се бо готьскыя красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускимъ златомъ... Готы жили в Крыму и частично около Тмуторокани. Поход Игоря был направлен к этой старой русской Тмуторокани. Готы радуются победе половцев, с которыми они находились в торговых отношениях, и звонят русским золотом, награбленным половцами и доставшимся готам, очевидно путем торговли.

поють время Бусово. Бус — это, повидимому, антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. н. э. готский король Винитар, внук Вультвульфа, победил антов (предков вос-

точных славян — русских) и приказал распать ко-
роля антов Боза, его сыновей и семьдесят знат-
ных антов. Готские девы воспевают это время.

дelläють мeсть Шароканю. Мeсть за Шару-
кана упомянута отнюдь не случайно. Шарукан был
дедом хана Кончака. Шарукан потерпел жесто-
кое поражение от Владимира Мономаха в 1106 г.
Его сына Отрока Владимир Мономах загнал на
Кавказ за Железные Ворота. Внук Шарукана и
сын Отрока хан Кончак впервые смог отомстить
после поражения Игоря за бесславие своего деда
и своего отца.

О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! Свято-
слав Киевский называет Игоря Святославича и
Всеволода Святославича „сыновцами“ (племянни-
ками), как старший в лестнице феодального под-
чинения. На самом деле Игорь и Всеволод при-
ходились Святославу двоюродными братьями.

брата моего Ярослава — Ярослава Всеволодо-
вича Черниговского, родного брата Святослава
Всеволодовича Киевского.

*съ черниговскими былями, съ могуты, и
съ татраны, и съ шельбуры, и съ топчаки, и
съ ревугы, и съ ольберы.* Здесь в „Слове“ пере-
числяются названия племен тюркского происхож-
дения, которые издавна осели в пределах Черни-
говского княжества, подпав под культурное влия-
ние русских. Из этих осевших кочевников в Чер-

ниговском княжестве собирались полки, носив-
шие название „ковуев“.

*Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими,
а Володимиръ подъ ранами.* После поражения
Игоря половецкие ханы Гза и Кончак двинулись на
Русь. Гза осадил Путивль, но не смог его взять; его
войска разорили Посемье. Кончак пошел на Пе-
реяславль Русский (Южный), где переяславский
князь Владимир Глебович, Святослав Киевский и
Рюрик Ростиславич нанесли ему поражение. На
обратном пути Кончак осадил и захватил Римов.
При осаде Переяславля на вылазке был ранен
Владимир Глебович Переяславский, схватившийся
сразу со многими половецами. Окруженный, он
был ранен тремя копьями, но дружина его отбила
его у врагов.

Великый княже Всеволоде! Всеволод Юрьевич
Владимиристо-суздальский, сын Юрия Долгорукого
и внук Владимира Мономаха; по позднему
прозвищу — „Большое Гнездо“. Выдающийся по-
литический деятель своего времени. Один из са-
мых сильных князей Руси XI—XIII веков.

отня злата стола поблюсти. Отец Всеволода
Юрий Долгорукий несколько раз захватывал киев-
ский престол военной силой и умер в Киеве
в 1157 г.

*Ты бо можешши Волгу веслы раскропнати,
а Донъ шелома выльяти!* Словами „ты бо мо-

жеши Волгу веслы раскромсати" определяется многочисленность дружины Всеволода и его могущество над волжскими странами. Всеволод и в самом деле энергично продолжал начавшееся еще очень давно покорение Поволжья. В 1183 г., за два года до похода Игоря, Всеволод с „судовой ратью“ (т. е. с речным флотом) успешно осаждал „Великий город“ волжских болгар, заключив выгодный для себя мир. В битве на Волге русские загнали волжских болгар в их „учаны“ (речные суда), часть из которых опрокинулась, и более тысячи болгар утонуло. Автор „Слова“ верит, что если бы Всеволод двинулся на половцев (на Дон), то его войско смогло бы до конца победить их. Испить шлемом из какой-либо реки было в древней Руси знаком победы над страной этой реки; вычерпать же реку было знаком полного уничтожения врага.

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Чага — ребенок, кощей — раб. Ногата и резана — название мелких монет (в гривне 20 ногат или 50 резан).

шерешеры — повидимому, от греческого *σπίρη* и новогреческого *σπίρη* — копье.

сыны Глѣбовы — сыновья Глеба Ростиславича рязанские князья, зависимые от Всеволода Георгиевича Суздальского.

Ты буй Рюриче. Рюрик Ростиславич, буй Рюрик „Слова о полку Игореве“, принадлежит к одним

из самых деятельных, беспокойных и вместе с тем по-своему блестящих князей XII века. Рюрик провел всю свою жизнь в походах на половцев и в феодальных распрях, сражался и за Русь и за свои личные интересы.

и Давыде. Давид Ростиславич Смоленский — брат Рюрика Ростиславича (см. выше), внук Мстислава Владимировича. Много воевал самостоятельно и принимал участие в походах своего брата.

Не ваю ли вои злачеными шеломи по крови плаваша. „Вои“ вставлено предположительно по смыслу. Повидимому, здесь имеется в виду битва с половцами в 1183 г. на реке Орели, в которой участвовали войска Рюрика и Давида Ростиславичей.

Галички Осмомыслѣ Ярославѣ! Ярослав Владимирович Галицкий — тесть Игоря Святославича. Князь богатого Галицкого княжества, ведший постоянную борьбу с местным, очень сильным галицким боярством. Прозвище Ярослава „Осмомысл“ имеет несколько толкований, каждое из которых более или менее гипотетично: от восьми его мыслей или забот; от знания восьми языков; оттого, что он вообще был умен за восьмерых, и т. п.

Высоко сѣдши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Местоположение древнего Галича долгое

время не было уточнено. Теперь археологами установлено, что кремль Галича был расположен высоко. В нем особенно выделялся расположенный на самом краю обрыва и доминировавший над остальным городом замок галичского князя. „Слово“, таким образом, совершенно точно в своем определении „высоко“.

горы Угорский — Карпаты. „Угорский“ — венгерские.

стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Галичане, возможно, принимали участие в третьем крестовом походе против турок султана Саладина.

А ты, буй Романе. Роман Мстиславич — князь зылинский и галицкий. Роман был деятельный, предприимчивый, отважный и неутомимый князь, ходивший в поход на Литву, ятвягов, деремел и половцев. Упорной борьбой он добивается соединения своего наследственного Владимиро-волинского княжества с богатым соседним княжеством Галицким. Твердой рукой сдерживает он распад юго-западной Руси и направляет свои главные удары против могучего галичского боярства.

и Мстиславе. Кто такой этот Мстислав, по всему судя близкий к Роману, деливший с ним победы, — неясно. У Романа не было родного брата с таким именем, но был двоюродный брат Мстислав Ярославич Пересопницкий. Возможно однакоже,

что здесь имеется в виду Мстислав Всеволодович Городенский — участник походов на половцев и, как князь пограничной западной области, постоянный противник Литвы, ятвягов, деремелы.

ятвязи. Ятвяги — одно из литовских племен.

деремела. — вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя Dernen, Deryne, упоминаемое в русских источниках XIII века.

сулицы своя поврѣгоша. Сулица — то же, что копье, но употреблявшееся для метания.

по Руси. Рось — правый приток Днепра южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река.

и по Сули. Сула — левый приток Днепра южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река. По Суле шла линия укрепленных городов, среди них и Рим, захваченный половцами после поражения русских на Каяле.

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи. Инъгварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие „и все три Мстиславичи“? Здесь, несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три брата — сыновья Мстислава Изяславича Роман, Святослав и Всеволод (указание И. М. Кудрявцева). Все эти три Мстиславича, как и Инъгварь и Всеволод, были князьями волинскими — вот почему они

объединены в едином обращении к ним. Они не названы по имени, так как автор „Слова“ уже назвал только что выше одного из них — Романа. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману, объединяя его со всеми его воынскими братьями. Он говорит „и вси три Мстиславичи“, подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех.

не худя гнззда шестокрилиц! У сокола оперение крыла делится на три части (большие маховые, малые маховые перья и крылышко). Всего у сокола как бы шесть крыльев. Отсюда название сокола „шестикрылец“.

не побдными жребии собъ власти расхитисте. Исторический смысл этих слов неясен, так как самые события княжения этих трех Мстиславичей известны плохо.

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. И Сула и Двина — две пограничные русские реки — лишились своих вод как знак поражения (см. выше, стр. 260), вместе с тем, они уже как бы не могут служить реальными препятствиями для врагов Руси. — Отметим, что Переяславль Русский (Южный) стоит не на Суле, а на Трубеже. Следовательно, переводить это место следует не „ко граду Переяславлю“,

а „для града Переяславля“. Пограничная со степью Сула не служит для него уже более защитой.

и с хотию на кров, а тѣи рекѣ. В издании 1800 г. и в екатерининской копии это место читается так: „и схотию на кровать и рекѣ“. Поправок этого неясного места было предложено много, но ни одна из них не могла быть признана достаточно удовлетворительной. Предлагали исправления „с хотию“ (т. е. с милот, с женой), „схыти“, „схопи“ (схватил), „и схоти (схватил) юнак (юноша) рова (могилы)“ и т. д. Принятое в настоящем издании чтение предложено советским исследователем „Слова“ И. Д. Тиуновым. Оно имеет то преимущество, что оправдано палеографически, не требует ломки текста и не дает новых резких образов. Рукопись „Слова“ имела слитные написания слов; эти слитные написания слов привели ко многим ошибкам прочтения первыми издателями (первые издатели читали, например, „къ мети“ вместо „къмети“, „по Сулию“, „по морню“ вместо „Посулию“, „Поморию“ и т. д.). И. Д. Тиунов предложил иную разбивку текста на слова, и только одно исправление — „ь“ на „ѣ“ (в слове „тѣи“). Такое деление текста позволяет его удовлетворительно понять.

Изяславъ сынъ Васильковъ... Не бысть ту брата Брючяслава, ни другаго Всеволода. Летопись упоминает полоцких князей Брючяслава Васильковича и Всеслава Васильковича и их отца Василька Рогволодовича. Всеволод и Изяслав

летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо.

трубы трубятъ Городеньскии. Изяслав Василькович, упомянутый в „Слове“ выше, был, по видимому, князем городенским (от Городно или Гродно — неясно).

Ярослави вси внуци и Всеслави! В первом издании „Слова“ и в екатерининской копии читается не „Ярослави“, а „Ярославе и“. Однако никакого Ярослава, усобицы которого с „внуками Всеслава“ были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли и для всей Русской, — неизвестно. Вряд ли, при этом, такой Ярослав оказался бы незамеченным летописью. Ведь в „Слове“ имеются в виду какие-то крупные события. Поэтому предполагаем, что в слове „Ярославе“ при его прочтении первыми издателями вкралась ошибка: читать следует не „Ярославе“, а „Ярослави вси внуци и Всеслави“, т. е. „Ярославы все внуки и Всеславы“. Перед нами призыв прекратить вековые раздоры между князьями — потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями — потомками Всеслава Полоцкого (иногда они назывались также в летописи потомками полоцкого князя Рогволода, также противопоставляясь „ярославим внукам“). Итак, в этом месте „Слова“ речь идет не о какой-то мелкой вражде одного из русских „Ярославов“ 80-х гг. XII века с полоцкими князьями — вражде настолько мелкой, что она даже не была отмечена летописью,

а о большом длительном историческом явлении: о длительной вражде полоцких князей со всеми остальными русскими князьями. Усобицы полоцких князей, стремившихся обособиться от Киева, с киевскими князьями, безуспешно пытавшимися восстановить зависимость Полоцка от Киева, действительно наполняют и XI и XII век. В этой междоусобной войне автор „Слова“ считает побежденными обе стороны, „победителями“ же оказываются „поганые“ — половцы и литовцы. Вот почему автор „Слова“ и обращается в дальнейшем в большом отступлении к истокам этой громадной вражды, охватившей всех русских и всех полоцких князей, — к истории родоначальника всеславичей — Всеслава Брячиславича Полоцкого. То обстоятельство, что враждующие начали наводить поганых „на землю Рускую“ и „на жизнь Всеславию“, т. е. на всю Русь и на все владения потомков Всеслава, говорит в пользу данной гипотезы. — В XII веке потомки Ярослава разделились на две большие враждующие группы — „ольговичей“ (потомков Олега Святославича) и „мономаховичей“ (потомков Владимира Мономаха), но по отношению к потомству Всеслава обе группы выступали как „ярославичи“.

На седьмомъ вѣщѣ Трояни. Согласно изложенному выше (см. стр. 239—240), Троян — русский языческий бог. Всеслав действует на седьмом, т. е. на последнем веке языческого бога Трояна, иными словами: напоследок языческих времен. Значение „седьмого“ как последнего определяется средне-

вековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь человеческих возрастов и т. д. Почему же, однако, Всеслав Полоцкий, по представлениям автора „Слова о полку Игореве“, действует „напоследок языческих времен“? Всеслав Полоцкий действует в обстановке поднявшихся восстаний смердов — в Киеве, в Новгороде, на Белоозере, — восстаний, сомкнувшихся с движением волхвов, с реакцией древнерусского язычества. Всеслав воспользовался этими восстаниями и этой реакцией язычества в своих целях. Сам Всеслав, по летописной легенде, родился „от волхования“ и носил на голове амулет, вследствие чего якобы пролил много чужой крови.

връже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. Под девицей здесь разумеется Киев. Решив воспользоваться в 1068 г. восстанием киевлян, чтобы взойти на киевский стол, Всеслав действительно играл свою судьбою — „кинул жребий“.

Тѣи клюками подпрѣ ся о кони. Это место толковалось по-разному. Смысл его ясен, однако, если мы обратимся к историческим событиям вокняжения Всеслава в Киеве. Значение слова „клюка“ может быть только одно в данном случае — хитрость; только это значение встречается в памятниках древнерусской письменности XI—XIII веков. „Хитрость“ Всеслава заключалась в следующем. В 1068 г. половцы разбили войско трех братьев, сыновей Ярослава Мудрого, — Изя-

слава, Всеволода и Святослава. Киевляне потребовали от Изяслава выдать им коней и оружие, чтобы взять дело обороны Киева в свои руки. Изяслав, боясь киевлян, отказался это сделать, тогда киевляне пошли к „порубу“ (к тюрьме), где сидел князь Всеслав Полоцкий, захваченный ярославичами перед тем в 1067 г., и поставили его киевским князем. Очевидно, что Всеслав удовлетворил требование киевлян — выдал им коней и оружие. Он пришел, следовательно, к власти хитростью, опершись на коней.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьгль. В 1069 г. против Всеслава пошли походом Изяслав и польский король Болеслав. Всеслав выступил против них вместе с киевлянами. Но еще до встречи с войском Изяслава и Болеслава, по неясным для нас причинам, Всеслав принужден был бежать ночью из Белгорода тайно от киевлян (см. „Повесть временных лет“ под 1069 г.). Следовательно, „они“ — это киевляне. „Синия мгла“ — это мгла ночи. „Обеситься“ по-древнерусски означает „повиснуть“ или „быть обнятым“ (в данном месте „Слова“, конечно, последнее значение).

возни стрикусы. „Возни“ — вонзил (ср. в Остромировом евангелии, от Матфея, 27, 48: „И възнем губу... и възнѣзь на трѣсть“). Слово „стрикусы“ в других памятниках древнерусской письменности не встречается: возможно, оно род-

ственно древневерхненемецкому *Strit-akis, Strit-achus* — боевая секира.

разшибе славу Ярославу. С Ярославом Мудрым в Новгороде Великом связывались представления как об основателе новгородской независимости. Ярослав княжил в Новгороде по 1016 г., ослабив зависимость Новгорода от Киева и дав новгородцам какие-то не сохранившиеся до нас „грамоты“, в которых новгородцы вплоть до конца XV века видели главное обоснование своей независимости.

съ Дудутокъ. Что за местность Дудutki — неясно.

На Немизь снопы стелють головами... Немига — небольшая река, на которой стоял Минск (сейчас этой реки нет). На Немиге Всеслав потерпел поражение от трех сыновей Ярослава — Изяслава, Всеволода и Святослава. Это поражение было действительно ужасным.

а самъ в ночь влькомъ рыскаше. То убегая от погони, то стремясь захватить города, то отстаивая свою вотчину, — Всеслав действительно носился как волк по всей Русской земле. Есть прямое свидетельство быстроты передвижений Всеслава. Владимир Мономах говорит в своем „Поучении“, что он гнался за Всеславом (в 1078 г.) со своими черниговцами „о двою коню“ (т. е. с поводными конями), но тот оказался еще быстрее: Мономах его не нагнал.

дорискаше до куръ Тматороканя. „До кур“, т. е. до пения петухов (петух по-древнерусски „кур“).

великому Хрьсови. Хорс, славянский языческий бог, — повидимому, бог солнца. Следовательно, слова „великому Хрьсови влькомъ прерыскаше“ означают, что Всеслав „рыскал“ до восхода солнца.

Тому въ Полоцькѣ позвониха заутреню рано у святыхъ Собѣи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Здесь, повидимому, имеется в виду следующее: Всеслав сидел в Киеве в заключении (в „порубе“), в то время как в его родном Полоцке его считали князем и поминали как князя в церковных службах (1067—1068 гг.).

Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ. Здесь, несомненно под „старым Владимиром“ разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли (см. выше).

нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть. Автор „Слова“ хочет этим сказать, что между войсками братьев Рюрика и Давыда Ростиславичей не было согласия. Действительно, в 1185 г. после поражения Игоря и нападения Кончака Святослав и Рюрик пошли против половцев, но брат Рюрика Давыд вернулся от Треноля, так как смоленские войска Давыда отказались выступить совместно со стягами Рюрика и вернулись назад.

Ярославныя гласъ. Ярославна — жена Игоря — Ефросинья, дочь Ярослава Владимировича Осмомысла (см. выше, стр. 261).

зегзицею незнаема рано кычеть. Слово „зегзица“ в других древнерусских памятниках письменности не встречается. В областных современных диалектах встречается довольно много созвучных слов со значением „кукушка“: „зогза“ (вологодское), „загоска“, „зезюля“ (псковское). В украинском и белорусском имеются также близкие по звучанию слова со значением кукушки.

Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насады до плѣку Кобякова. Ярославна вспоминает победоносный поход русских князей на половцев 1183 г. под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского. В результате этого похода объединенные ханом Кобяком силы половцев были разбиты, а сам хан Кобяк захвачен в плен.

насады — ладьи с „насаженными“ бортами.

Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имь тули затче? В трехдневной битве войска Игоря, люди и кони, отрезанные половцами от воды, страдали от жары и жажды.

Овлурь — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем. В летописи он назван Лавр или Лавор. Игорь первоначально долго не доверял Лавру. Русский историк XVIII века В. Н. Татищев на

основании неизвестных нам источников сообщает, что Лавор был „муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же была его русская из области Игоревой“. Вернувшись из плена, Игорь „учинил вельможею“ Лавра и выдал за него дочь тысяцкого Рагуила, щедро наградив.

стрешаше его гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чернядыми на ветрѣхъ. Чайки, гоголи (порода нырковых уток) и черняди (другая порода нырковых уток) очень пугливы и издали замечают приближение человека. Игорь, скрываясь днем в зарослях у рек, мог по поведению гоголей, чаек и чернядей судить о том, не приближается ли погоня (указание Н. В. Шарлеманя).

уношу князю Ростиславу. Князь Ростислав Всеволодович, сын Всеволода Ярославича, утонул в 1093 г., 22 лет от роду, переправляясь через реку Стугну (приток Днепра), на глазах у своего брата Владимира Мономаха.

полозие ползаша. Полозие — полозы, вид крупной змеи, водящейся в степях.

Дятлове тектомь путь къ рѣцѣ кажутъ. В степи деревья растут только в долинах рек. Долины эти глубокие; издали не видно ни реки, ни деревьев. Стук дятлов в деревьях указывал Игорю путь к речным зарослям, где он мог скрыться от погоня (указание Н. В. Шарлеманя).

Аще его (Владимира Игоревича.— Д. Л.) *опутаетъ красно дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дѣице.* Так оно и случилось. Сын Игоря Владимир женился на дочери Кончака, вернулся на Русь в 1187 г. с женой и с ребенком и здесь был уже обвенчан по церковному обряду.

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъслава пѣснотворца стараго времени Ярогавля, Ольгова коганя хоти: Тяжко ти головы... Место это настолько испорчено, что не позволяет скольконибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение „ходына“ (так в издании 1800 г. и в екатерининской копии) как „Ходына“ и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в „хоти“ видеть двойственное число от „хоть“ — любимец (ср. это же слово в объяснении места „и с хотию на кров“). Это прочтение и принято нами в переводе. Слова Бояна и Ходыны противопоставлены разговору („стрекотанию“) Гзы и Кончака.— „Каган“ — титул владык хазарских и аварских; применялся иногда и к русским князьям в X—XI веках.

по Боричеву. Боричев взвоз (подъем), неоднократно упоминаемый в летописи, вел снизу, от днепровской пристани, вверх, к центру Киева. Ныне Андреевский спуск (указание Д. Блифельда).

дѣвици поють на Дунаи. В низовьях Дуная находились русские поселения. Упоминанием о пе-

нии девиц на Дунае автор „Слова“ подчеркивает радость по поводу возвращения Игоря в самых отдаленных уголках Руси, даже в тех, которые не входили в состав ее независимых княжеств.

къ святѣй богородици Пирогощей. Церковь богородицы Пирогощей была заложена в Киеве в 1132 г. и завершена в 1136 г. Так названа по иконе „Пирогощей“ (от греческого *πυργότισσα* — „башенная“), привезенной в Киев из Константинополя.

Аминь. Слово „аминь“ (от греческого *ἀμήν* — „да будет так“, „истинно“) обычно ставилось в конце древнерусских литературных произведений.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Д. С. Лихачев. Величайшее произведение литературы древней Руси 5

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Вступительная заметка 35
 Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъ-
 слава, внука Ольгова (текст) 38
 Разночтения к тексту „Слова о полку Иго-
 реве“ 57

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
„СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Вступительная заметка 65
Д. С. Лихачев. Слово о походе Игоря, сына
 Святославова, внука Олегова. 67

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ
„СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Вступительная заметка 83
В. А. Жуковский. Переложение Слова о
 полку Игореве 86
Н. А. Заболоцкий. Слово о полку Игореве . 106
А. Н. Майков. Слово о полку Игореве . . 135
В. И. Стеллецкий. Слово о походе Иго-
 ревом, Игоря, сына Святославова, внука
 Олегова. 157
Л. И. Тимофеев. Песня о походе князя
 Игоря 178
А. К. Югов. Слово о битве Игоревой, Игоря
 Святославича, внука Олегова. 200

ПРИМЕЧАНИЯ 233

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков.
А. Т. Теардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев*

*Редактор член-корреспондент АН СССР
В. П. Адрианова-Перетц*

Художник Л. Хижинский

Техн. редактор С. Брусиловская

Корректор И. Якимович

*М 29116. Подписано к печати 22/V 1953 г.
Лит. л. 9,36. Уч.-изд. л. 9,87. Формат
бумаги 84×108^{1/4}—2,19 бум. л.—7,17 печ. л.
Тираж 50 000. Зак. № 1626. Цена 5 р. 95 к.
(по прейскуранту 1952 г.)*

Типография № 3 Ленгормполиграфиздата